

А. Д. АЛЕКСЕЕВ. ПИСЬМА ВОЕННЫХ ЛЕТ
(Письма к Т. В. Жаровой)

Публикация Н. А. Хохловой, вступ. статья Т. В. Жаровой

В 2003 г. в Рукописный отдел Пушкинского Дома от неизвестной нам корреспондентки — Таисии Васильевны Жаровой из подмосковного Переделкина пришло письмо (привожу его с некоторыми сокращениями): «Когда-то, в 1940 г., я окончила школу на ст. Спирово и на 4,5 года после этого ушла в Армию. Вместе со мной учились мои одноклассники, большинства из которых сейчас уже нет. С нами учился Алексеев Анатолий Дмитриевич, 1922 г. р. Мы все дружили и переписывались во время войны. Особенно интенсивной была переписка с теми, кто был в действующей Армии, на разных фронтах.

С А. Алексеевым мы переписывались до 1952 г., а далее — семьи, дети, переезды, болезни — и переписка оборвалась. Простить себе не могу!

У меня сохранились многие письма старых друзей, в том числе и Т. Алексеева, который окончил Герценовский институт и — по слухам — работал в вашем Пушкинском Доме, а я жила в Москве и работала редактором в книжном издательстве.

Знаю, что Т. Алексеев был одаренным человеком, истинным гуманистом и даже в годы войны писал стихи, которые одобрил А. Т. Твардовский. <...> Никто из одноклассников-петербуржцев о нем ничего не знает, хотя многие его разыскивали. И вот недавно удалось узнать, что А. Алексеев стал литературоведом, писал о Гончарове, работал в вашем уважаемом Пушкинском Доме. Так ли это? Жив ли он? Если Вас не затруднит, пожалуйста, ответьте мне или хотя бы пришлите адрес семьи сына. Это не прихоть, не старая любовь, а естественное желание старого человека (80 лет!) знать о своих друзьях юности. <...>

В конце жизни так хочется оставить хоть детям, внукам добрую память о друзьях юности, детства, о предках своих, о которых (в силу обстоятельств) тоже знали мало и теперь наверстываем забытое, хотя дней жизни осталось и мало.

Спасибо Вам за терпение, внимание, отзывчивость...».

Как секретарь Отдела я, разумеется, ответила на это необычное, очень живое и трогательное письмо: рассказала о научной судьбе Анатолия Дмитриевича,¹ сделала ксерокопию предисловия к его книге «Литература русского зарубежья», вышедшей посмертно.

Так — вполне официально — началась одна из тех историй, которые иногда бывают в практике архивной работы и которые нельзя расценить иначе, как награду, как «чудные мгновенья» уже не работы, нет, — жизни. Трудно сказать, что более желанно и любезно сердцу архивиста — архивная находка или «открытие» удивительного человека, такого, например, как Т. В. Жарова. Тем более, что очень часто обе эти «находки» сопряжены в единое, нерасторжимое целое.

Хочется вспомнить суждение акад. М. П. Алексева об одной уникальной особенности филологической работы: никакая другая отрасль науки не предполагает столь постоянного и многообразного человеческого общения. В этом ее особый гуманитарный смысл, человеческое обаяние. Это суждение в высшей степени справедливо и в отношении архивного дела, но с одной поправкой: встречи и знакомства здесь самые неожиданные, непредсказуемые.

За три прошедших года наши отношения с Т. В. Жаровой давно переросли из официальных в самые сердечные, дружеские (хотя последнее определение ввиду большой возрастной разницы, наверное, не вполне корректно). Были и встречи в Переделкине, и передача ценных материалов из ее личного архива в Пушкинский Дом (всю жизнь проработавшая литературным редактором в Московском отделении издательства «Детская литература», она знала и общалась с К. И. Чуковским, С. В. Михалковым, Л. А. Кассилем, Ю. М. Нагибиным, Е. З. Воробьевым, Ю. В. Манном² и мн. др.). Но в центре наших разговоров неизменно оставался Анатолий Дмитриевич Алексеев. Таисия Васильевна знала его в отроческие и юношеские годы, я — в последние два года жизни, чуждаватым и отчужденным, таким, каким его знало большинство пушкинодомцев. Совместить два эти

¹ Вот краткие биографические сведения о нем: «Алексеев Анатолий Дмитриевич (07.11.1922, Малая Вишера Новгородской обл.—11.09.1990, Ленинград); в ИРЛИ с 28.04.1952 по 11.09.1990.

Участник Великой Отечественной войны. Окончил рус. отд-ние ЛГПИ в 1951. С 1952 по 1956 работал в Литературном музее экскурсоводом и хранителем фондов. С 1957 по 1965 — сотр. Сектора библиографии и источниковедения, с 1965 по 1969 — сотр. Тургеневской группы Сектора новой русской литературы, с 1969 работал в Рукописном отделе, с 1972 зав. читальным залом. Область научных интересов: библиография, творчество И. А. Гончарова, литература русской эмиграции. <...> Составил картотеку, представляющую собой роспись содержания русских журналов нач. XX в. (до 1917), которая является уникальным источником сведений по культуре серебряного века. <...> Ему же принадлежит библиография по литературе русской эмиграции: „Литература Русского зарубежья. Книги 1917—1940: Материалы к библиографии“ (СПб., 1993).

Награжден медалями „За оборону Ленинграда“, „За оборону Заполярья“, „За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.“, „За победу над Японией“.

Основные труды: Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.; Л., 1960; Библиография И. А. Гончарова. Гончаров в печати. Печать о Гончарове (1832—1964). Л., 1968» (Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905—2005. СПб., 2005. С. 396).

² Ю. В. Манн в 1955—1957 гг. работал вместе со мной в редакции критики, теории, истории детской литературы. До сих пор мы с ним поддерживаем связь (*примеч. Т. В. Жаровой*).

образа: тот, что встает из писем Анатолия Дмитриевича военных лет, с тем, который запечатлелся в сознании, так трудно и так вместе с тем просто. Все, что было глубоко спрятано на исходе лет, в письмах — в этом разговоре, который он вел в условиях тяжелейших испытаний с любимой девушкой, — нараспашку, по-юношески трогательно и пронзительно. Письма удивительным образом дополняют и обогащают образ Анатолия Дмитриевича — впечатление неожиданности сменяется все большим и большим узнаванием...

Вместе с тем они — документ эпохи. Эпохи далекой и во многом забытой, трактуемой ныне слишком пристрастно. А для кого-то и вовсе неизвестной. Вот почему их публикация имеет в полном смысле историческое значение. А залогом несомненности этого значения служит нравственная сила этих писем: их чистота и подлинность.

Н. А. Хохлова

О друге Т. Алексееве

Наверное, каждый человек, подходя к последнему рубежу своей жизни, невольно возвращается к лучшим страницам пройденного пути, к именам дорогих и навсегда памятных людей. Так и я, оставшись одна, потеряв любимого мужа, с которым прожила более 50 лет, живу тем, что разбираю свой архив, без конца смотрю старые семейные и военные фотографии, вспоминаю лица родных и друзей, уже ушедших в иной мир. Среди них самые близкие, бывшие рядом со мной в годы войны, в годы напасти...

Так, разбирая груды дорогих мне бумаг, я недавно натолкнулась на пачку писем своего школьного друга Толи Алексеева, с которым проучилась с 7-го по 10-й класс в небольшом пристанционном городке Спирово по Октябрьской железной дороге. Его, как и меня, забросила туда неумолимая судьба.

Наша семья происходила из Твери — здесь жили все наши предки. Но в 1936 г. пришлось расстаться с родным городом. После тяжелой болезни и смерти отца сестра мамы предложила переехать к ней в Спирово: «вместе легче пережить горе», и мы согласились. До сих пор я храню в сердце благодарность: мы сразу ощутили на себе привязанность и доброту, свойственную старинной дворянской семье, из которой и происходила моя мама. Так мы оказались в Спирове в семье тети и ее мужа, директора местной школы, учителя-биолога.

В прошлом тоже учительница, мама из-за нервного потрясения, вызванного смертью любимого мужа, не смогла работать по профессии и спустя некоторое время стала бухгалтером на местном стекольном заводе. Нам отвели комнату на втором этаже деревянного дома. Первое время трудно было привыкать к новым людям, трудному быту. Мы чувствовали себя чужими, оторванными от родной городской среды.

Спирово считалось узловым станцией — с таким же типовым эллипсообразной формы большим вокзалом с крытыми платформами, как в Твери и на других крупных станциях, существовавших еще со времен Николаевской железной дороги. Помню, как мы бегали, чтобы успеть увидеть про-

езжающих из Ленинграда в Москву героев-летчиков, папанинцев. А в годы войны с Финляндией, в 1939 г., провожали на фронт эшелоны с военными. Во время Великой Отечественной войны станцию много раз бомбили. Наш дом стоял рядом со станцией, и в школу я ходила через железнодорожные пути, подлезая под вагоны. Идти на переезд не хотелось.

В Спинове были стекольный завод, льнозавод, две средние школы, три или четыре начальных, дом пионеров и Летний сад — место отдыха и развлечений. Одна из школ находилась в ведении РОНО (именно в ней директором был мой дядя), другая — в ведении Октябрьской железной дороги; в нее я и поступила. Школа пользовалась определенными привилегиями, поскольку подчинялась школьному отделу Октябрьской железной дороги, находившемуся в Ленинграде. Вообще в те времена железнодорожники (путейцы, как их называли) были особым сословием, их ценили, отмечали. Нам, школьникам, давали бесплатный проезд на олимпиады, соревнования; в клубе железнодорожников мы по 10 раз смотрели к/ф «Чапаев», «Юность Максима», «Сестры» и только что вышедший фильм «Дети капитана Гранта» с Черкасовым в одной из главных ролей. Был там и спортзал, где мы играли в волейбол.

Не случайно именно в эту школу, в 7-й класс, поступил и Толя Алексеев: его отец был путейским инженером, направленным в 1937 г. из Ленинграда в Спиново. Семья Толи, как и наша, жила рядом со станцией в отдельном «инженерном» доме, окруженном сиренью. Знаю, что он был почителен с родителями, любил их непоказной любовью и никогда не говорил о домашних делах (не было принято). Его родителей близко я не знала.

В те годы школа была для нас вторым домом. Нам повезло с учителями, так как многие из них в прошлом были гимназическими преподавателями. Спасибо им и светлая память: они знали не только свой предмет, но и старые манеры, прививали уважительное отношение к взрослым, родителям, не позволяли смеяться над слабыми.

И еще особенность тех лет. Городок-поселок окружали деревни, у многих наших ребят дома не было книг. И наша учительница по литературе — милая З. И. Максимова — назначала по очереди вслух, стоя у доски, рассказывать всему классу содержание того или иного романа, повести. Чаще всего это приходилось делать мне или Толе (у нас дома были свои библиотеки), мы много читали.

В школе был прекрасный актальный зал со сценой. Он был и физкультурным, и танцевальным, и зрительным. Мы участвовали в драмкружке, ставили к юбилею Пушкина инсценировки, проводили концерты; поставили «Грозу» Островского и ездили с этой постановкой в другие школы. Когда к нам пришли новые молодые педагоги (муж и жена Шитиковы): он — директор школы, она — химик, мы стали разучивать «западные» танцы, до того «запретные», осмеянные: танго, фокстрот.

Вскоре у нас сложилась небольшая компания: Толя Алексеев, москвич Женя Ратьковский, а также местные ребята и, как принято было говорить, девчата: Сергей Разгулов (в будущем летчик), Аркадий Котов (погиб в войну), Лида Фирсова (потом ленинградка, химик по образованию), Тамара (симпатия Т. Алексеева). Среди девочек я была единственной приезжей.

Лидером компании сразу стал Ж. Ратьковский. О нем как о лучшем друге вспоминал в военных письмах Толя. Он восхищался им и никогда не претендовал на первые роли. Сам Толя отличался скромностью, даже застенчивостью и еще — какой-то особой литературной одаренностью. Душа его была доброй, незлобивой, он не любил ссор и никогда не позволял говорить что-то плохое о друзьях или о своих строгих родителях. В этом было какое-то мальчишеское, почти рыцарское благородство. Совершенно непоказное, столь далекое от нравов спировской среды, от привычного тогда удалства, лихости, бахвальства, споров «на американку» («А слабо залезть на столб?», «А слабо свистнуть на уроке истории?»). Порой так нелепо мы проявляли свою «смелость»; но не помню, чтобы Толя обижал учителей или «отличался» в подобной «лихости». На все это у него была милая, застенчивая улыбка воспитанного человека.

Моя очень требовательная мама из всех моих школьных друзей отличала Толю, считая его «по-настоящему воспитанным мальчиком», и ругала меня за то, что я дружу с его другом Женей. О, мамы, прозорливые мамы!

То предвоенное время было особым. Особыми были и наши занятия, увлечения — они были пронизаны подготовкой к войне. Мы увлекались спортом, участвовали во всех военных кружках, имели значки «Ворошиловский стрелок», «ПВХО»,¹ «ГСО»,² «ГТО».³ Гордились ими. Все хорошо ходили на лыжах, стреляли. У меня сохранилась фотография «значкистов». Даже столярное и слесарное дело (а был и такой предмет в школе!) казалось нам нужным. Я очень любила строгать, пилить, до сих пор помню запах стружки; но слесарный станок не любила. Разумеется, девочки учились и санитарному делу.

Совершенно особыми, вряд ли сейчас понятными, были наши нравы и стремления, наши кумиры. Главной доблестью считались смелость, отчаянность, верность. Мы «учились» подлезать поддвигающиеся вагоны, прыгать с железнодорожного моста в реку, плавать на самодельном плоту (а самые смелые подныривали под него). Прыгали с парашютной вышки, с трамплинов. Испытывали себя и таким образом: на ходу с лыжами залезали на площадку товарного вагона, а потом, сбросив связанные лыжи, прыгали с поезда на самом крутом откосе и быстро вновь надевали лыжи. Дома, особенно наши мамы, многого не знали; мы жалели их... Это было во время войны с Финляндией.

Как и все в те годы — годы «челюскинцев», папанинцев, перелетов через Северный полюс В. П. Чкалова, Г. Ф. Байдукова, А. В. Белякова, М. М. Громова, мы мечтали стать летчиками. Фильмы о летчиках («Истребители») и пограничниках («Джувльбарс») были нашими любимыми. Много давало радио — шли спектакли МХАТа, Малого театра, было много литературных передач, классической музыки. Это несло из всех «черных тарелок», что висели и в домах, и на улице.

Смешная деталь. Мама разрешала мне быть дома не позднее 12 часов, но называлось это в шутку так: «Если заиграет „Интернационал“ (он зву-

¹ «Противохимическая оборона».

² «Готов к санитарной обороне».

³ «Готов к труду и обороне».

чал в 24-00), а тебя еще нет, я закрываю дверь». Мама стояла у форточки и с тревогой ждала, а мы по очереди провожали с танцев друг друга всей гурьбой.

Толя, обычно не по-спировски галантный, стеснительный, не сразу осмелился танцевать с «дамой». Но потом все-таки ходил танцевать в Летний сад, где была специальная танцплощадка, духовой оркестр.

И все же время пахло войной... Мы спорили о «пакте Риббентропа и Молотова» и знали, что, «если враг нападет...», «мы готовы». После школы ребят сразу забрали в армию, в том числе и Толю, — в военное училище. Трудно поверить сейчас, но тогда те, кого «забраковывали» и не брали в армию (особенно из деревень), считали себя обиженными, изгоями. Даже родители верили, что армия сделает из них настоящих мужчин, научит, закалит. И проводы в окрестных деревнях были шумными, многолюдными, почти праздничными. Мы ходили на них смотреть.

Итак, мы закончили школу. Началась новая жизнь: девочки поступили в институты, ребята пошли в армию, в военные училища, кого-то взяли на железную дорогу.

В 1940 г. я пыталась поступить в МИФЛИ,⁴ но из-за немецкого языка не прошла по конкурсу. Пришлось вернуться в Тверь. Здесь с оценками МИФЛИ меня приняли без экзаменов на филологический факультет Пединститута. В первый же день войны прямо с экзаменов мы с подружкой пошли в военкомат, выстояли очередь, но получили отказ («Что вам там делать? Война скоро кончится...») и совет идти оборудовать в школе госпиталь. Так и не сдав античную литературу, 25 июня 1941 г. я стала санитаркой госпиталя, располагавшегося в Твери, училась на трехмесячных курсах медсестер РОККа⁵ и почти овладела профессией. Мы все стали донорами (особенно те, у кого I группа крови, как у меня).

Враг пришел неожиданно, мы еле успели погрузить раненых в вагоны и отправить в тыл, а сами — мы были вольнонаемными — бежали через волжский мост, который на наших глазах разбомбили. Город был оккупирован 14 октября 1941 г. Пришлось пешком (железная дорога не работала) две недели добираться до Спирова к маме. Расспрашивала об одноклассниках, но никого из них здесь уже не было.

Спустя два месяца Тверь освободили, и я вернулась в город — заснеженный, с разбитыми домами, трупами на льду Волги, с могилами немцев у памятника на центральной площади... Мы с подружкой пошли в РК ВЛКСМ и записались добровольцами в Армию. Нас отправили на Калининский фронт, под Ржев в 4-ю Гвардейскую штурмовую авиадивизию, которой командовал наш общий кумир Г. Ф. Байдуков. С ней я прошла всю войну. Нас учили на связистов, а потом, когда в полку выбыл врач, меня взяли в санчасть роты медсестрой. От Ржева самолетом нас перебросили на Курскую дугу, потом мы прошли всю Украину, Польшу, Румынию, Венгрию, Чехословакию, Австрию. Демобилизовалась я 3 августа 1945 г. и вернулась в Тверь на второй курс института (который закончила в 1948 г.).

⁴ Московский институт философии, литературы, истории.

⁵ Российское общество Красного Креста (готовило медсестер).

Переписка с Толей началась в 1942 г., еще тогда, когда я была на Калининском фронте, а он — в Заполярье, потом под Ленинградом. Получая мои письма, следя за стремительным передвижением нашей части, он страдал от того, что по-прежнему сидит в Заполярье. Но это «сидение» стоило многого. У Толи была редкая специальность — радио: «глаза» и «уши» неба, вылазки в тыл врага. Но писал он об этом просто, буднично, без всякого хвастовства и показного героизма. Помню, как однажды меня встревожило его долгое молчание. Оказывается, он ходил в тыл врага...

Какую радость приносили письма, какими близкими вдруг стали наши интересы, взгляды! Странно, но эта переписка в военных условиях, в условиях цензуры, не позволявших писать о военных делах, все-таки многое открывала нам: новых людей, обычаи, страны. Мы оба по возможности пытались что-то читать, писать об увиденном крае. Его письма были полны раздумий, тонких наблюдений, любви к друзьям-однополчанам (это было и у нас в части). Вообще война раскрывает человека как на рентгене — и ты видишь сразу, кто чего стоит. Мне нравились его стихи, я верила в его литературное будущее и ценила тот бережный, товарищеский, дружеский тон, который был в наших письмах. Мы никогда не вспоминали ни Тамару, в которую он был влюблен еще в школе, ни Евгения, который ухаживал за мной. Наша переписка была почти братской, откровенной, близкой по духу, так как я тоже любила литературу и с ней связывала свое будущее.

В годы войны (это чудо!) без всяких марок, индексов, а только с номером полевой почты шли письма из Вены, Праги в Корею, Порт-Артур. И доходили, и возвращались, если часть передислоцировалась. Помню, одно Толино письмо я получила, когда мы на полутораках перебазировались через Трансильванские Альпы. Была ночь, горы, машины стояли во тьме, а внизу в ущелье — сломанная техника, убитые, и мы читаем письма, пряча от «Мессера» огонек фонаря. И я, и Толя знали радио, морзянку, а потому иногда писали два-три слова точками—тире.

Сейчас, когда почта так плохо работает, когда сам эпистолярный жанр почти исчезает за телефоном, Интернетом, письма кажутся не только редкостью, но и драгоценностью, лучшим свидетельством тех лет, характеров, аромата времени. Вот почему 60 с лишним лет при неоднократных переездах я хранила эти старые дорогие листки, полученные когда-то от школьных друзей, однополчан и, конечно, родных. Увы, многих из них уже нет на Земле. Нет и Толи...

Последнее письмо от него я получила в 1951 г., когда мы жили в Подмосковье, и не ответила ему. Ругаю себя. Хотя именно это письмо должно было особенно порадовать меня. Он писал, что его мечта исполнилась: он окончил филологический факультет Ленинградского пединститута, женился, у него родился сын. Но у меня тогда лежал в госпитале муж, мы меняли место жительства, адрес где-то затерялся... Жалею, что и он, наверняка бывая в Москве, не заходил к нам: связь прервалась. Как и с другими одноклассниками. Господи, как непоправимо все это! Тем более, что наш дом был открытым, гостеприимным. И хотя мой муж был врачом, все наши друзья были из мира литературы, издательства, однополчане со всех концов страны, их дети. Да и в Ленинграде у меня были родные, я там бывала,

но адрес Толи изменился, Лиду Фирсову я еле разыскала, о Жене Ратьковском ничего не знала с войны... Так и прекратилась наша школьная дружба, о которой сейчас, как о лучших годах детства, юности, вспоминаешь на старости лет. Мне уже 83 года, а Толи нет с 1990 г. А где остальные?

Вот и еще одна родная душа отлетела, а память жива. Память добрая, благодарная. Память о верном друге, незаурядном, одаренном человеке, сумевшем найти свое призвание и сделавшем так много для нашей великой русской литературы. Спасибо ему, его родителям, его доброму сердцу. Светлой ему памяти!

Т. В. Жарова

1*

16 мая 43

Здравствуй, Тася!

Ты права, что твое письмо должно вызвать мое удивление. Вот уж этого я никогда не ожидал! Я бы никогда не подумал, что это пишешь ты, если бы не обратный адрес. Как изменился твой почерк!

Говорят, что с изменением почерка меняется и характер человека. И это вполне возможно, так как с тех пор прошло уже почти пять лет. Не верится — но это факт. И все-таки жаль, если ты не та, какой была когда-то. Жаль потому, что вряд ли мы вообще можем быть лучше, чем в то золотое время. А может быть, и наоборот. Ты прости меня за мою философию. Иногда прошлое всплывает, как сон, и в особенности на войне.

Так, значит, ты в нашей шкуре. Удивляться этому не приходится, ибо таких, как ты, сейчас тысячи. Думаю, что ты по медицинской части.

В общем, напиши о себе, если не секрет. Напиши тоже поподробней о своей жизни, а теперь я кратенько сообщу о себе.

До армии жил в Новгороде, в Териоках,¹ в Ленинграде. В армии с октября 40 г. Был в Ленинграде, где иногда встречался с Женей Р.² В настоящее время нахожусь на крайнем Севере, в Заполярье. Это не очень приятно, но ведь и здесь война.³ Первое время трудновато было привыкнуть к проклятой здешней природе, а теперь хоть бы что. Сейчас у нас еще местами лежит снег, но погодка замечательная. Круглые сутки светло, как днем, но солнце часа на два уходит за горизонт. Через каких-нибудь десять дней оно будет круглые сутки маячить. В общем, живу неплохо, хотя и не очень весело. Наверно, интересуюсь о моих боевых подвигах, но скажу прямо, что их пока нет. Фрицев приходится бить не своими руками, а техникой, за которой я сижу. Польза от этого, конечно, большая, чем у какого-нибудь ав-

* Общий объем писем А. Д. Алексеева к Т. В. Жаровой — 56. В настоящей публикации он воспроизведен почти полностью (за исключением четырех писем). Некоторые письма, в содержательном плане повторяющие предыдущие, приводятся с небольшими текстовыми сокращениями, которые обозначены многоточием в угловых скобках. Пунктуационный и орфографический режимы приведены в соответствии с современными нормами. При этом сохранены некоторые лексические особенности.

Местонахождение писем Т. В. Жаровой к А. Д. Алексееву неизвестно. По-видимому, они не сохранились.

томатчика, минометчика и пр., но эффекта того уже нет. Ты спрашиваешь, кто я. На это ответу только одно — сержант. Еще труднее ответить, какой я. По-моему, такой же, каким был и раньше.

Связь с друзьями и, в частности, со спиrowsкими потерял, кроме Женьки, которого отыскал с помощью его мамы. Он был и остается моим лучшим другом. Кстати, хотелось бы узнать, какие у тебя с ним отношения. Неужели не прежние?

Ну, что еще сказать? Родители живут в Ленинграде, пережили там все ужасы блокады и сейчас очень стали слабы здоровьем.

Ну вот, кажется, я и заканчиваю. Твою просьбу (втрое больше) выполнил и даже намного перевыполнил.

Очень давно я не писал таких длинных и откровенных писем, но тебе я пишу с удовольствием.

Очень интересуюсь, каким образом ты узнала мой адрес. Наверно, через Женю, и очень странно, если помимо его. Пиши! Жду!

Пиши мне по новому адресу:
Полевая почта 28546Д

А.

С горячим приветом!
Толя

¹ Ныне Зеленогорск.

² Ближайший друг А. Д. Алексеева, Е. Ратьковский.

³ Кольский полуостров занимал значительное место в планах гитлеровского командования. Основными стратегическими задачами противника на этом участке были захват в кратчайшие сроки Мурманска с его незамерзающим портом, пунктов базирования Северного флота, а также выход на линию Кировской железной дороги, соединяющей Мурманский порт с основной частью страны. Кроме того, захватчиков привлекали природные богатства Кольской земли, особенно месторождения никеля — металла, крайне необходимого для военной промышленности Германии и ее союзников. Для достижения этой цели на арктическом театре военных действий была сосредоточена армия «Норвегия» в составе двух германских и одного финского корпусов, которую поддерживали часть сил 5-го воздушного флота и ВМС Германии. Им противостояла советская 14-я армия, державшая оборону на Мурманском и Кандалакшском направлениях. С моря 14-ю армию прикрывали корабли Северного флота.

Первые авианалеты в Заполярье фашистская авиация провела уже в ночь на 22 июня 1941 г. Активные боевые действия начались 29 июня 1941 г. К осени стало ясно, что блицкриг в Арктике сорван. Ведя тяжелые наступательные бои, советские войска заставили противника перейти к обороне.

В 1942 г. основной ареной сражений в Заполярье стала Северная Атлантика. В первую очередь это было вызвано начавшимися поставками странами — союзниками СССР по антигитлеровской коалиции боевой техники, продовольствия, военного снаряжения, других грузов. В свою очередь Советский Союз поставлял этим странам стратегическое сырье. Всего за время войны в порты Мурманска и Архангельска прибыло 42 союзных конвоя (722 транспорта), из СССР было отправлено 36 конвоев (достигли порта назначения 682 транспорта).

7 октября 1944 г. части 14-й армии и корабли Северного флота при поддержке авиации 7-й воздушной армии и ВВС флота начали Петсамо-Киркенесскую наступательную операцию, в ходе которой территория Заполярья была полностью освобождена. В целях завершения разгрома противника советские войска 22 октября 1944 г. перешли норвежскую границу и начали освобождение Северной Норвегии.

Следовательно, А. Д. Алексеев был направлен в Заполярье (на Кольский полуостров, в район г. Беломорск) в период, когда произошел коренной перелом в ходе военных действий и стала возможной подготовка наступательной операции.

2

18 июля 43

Здравствуй, дорогая Тася!

Получаешь ли ты мои письма? А я уже больше месяца не получаю ни от кого, но пишу примерно с такой же последовательностью. Из дома скоро должны прийти первые вести, а от тебя еще очень долго ждать, и срок этот будет тянуться, наверно, не менее двух месяцев. Но что же делать?! Тасенька, ты не знаешь, как я привык к твоим письмам, а отвыкать от них очень и очень трудно. И все это ты виновата! Иногда (только такие минуты бывают редко) думаешь: к чему все это, зачем эти откровенные дружеские письма, зачем обманывать себя? Ведь и самые лучшие друзья после определенного периода могут остаться просто знакомыми, а это бывает часто. Я сознаю, что в отношениях с тобой зашел очень далеко, да мы уже и не раз писали об этом. Вот так можно зайти, а потом заблудиться, растеряться и т. п. Я не боюсь этого и не хочу себя предостеречь, а если уж и будет это (а может быть, частично уже и есть), то пусть. Ведь это не с кем-нибудь, а с тобой — ты же особенная. И опять ты меня назовешь «пессимистом», но я ко всему готов. Я отвык от «дружб» с девушками, а в особенности таких странных, письменных, а потому так горячо на все реагирую. Осуждай меня за мою философию, если она этого заслуживает, но ведь я предупредил тебя, что она временная и рассеивается очень быстро. Нам сейчас свойственно все подобное, а значит, и многое должно быть простительно. Ну ладно, хватит об этом, а то я могу нагородить всего. Ты мне, конечно, дашь свои комментарии по этому поводу и, без сомнения, более реальные и здравые. Как бы хотелось получить их сейчас немедленно здесь, по эфиру! А вообще-то я очень и очень рад, что мы так хорошо понимаем друг друга. Мне кажется, что мы намного больше стали знать друг друга, чем знали когда-то в бытность. Не так ли? Я не знаю, что ты мне писала в письмах, которые я не получил ввиду моего перемещения, — жаль, но для меня будет большой праздник, когда я вновь увижу твой конверт.

О себе писать много не буду. Наши будни очень схожи и особенно в то время, когда нет постоянства. Я тебе уже писал, что декорация моей жизни сменилась, но принцип жизни и работы остался прежний. Местность, где я нахожусь, исключительно живописна. Ты мне часто писала о красоте украинской природы, и я с интересом читал, но так как сам никогда не был в ваших краях, то, конечно, и не понимал так, как понимаешь ты. Да, я человек северный (но не полярный), и всё южное мне кажется каким-то чужим. Погода стоит у нас жаркая, и всё же не такая жаркая, какая сейчас у вас. Расположились мы около трех озер (а их здесь сотни), по обеим сторонам которых живописно разбросаны домики и сарай, почти все выкрашенные красной, белой и др. красками. Кругом рожь, овес, пшеница и небольшие рощи. Нельзя сказать, что здесь поселок, и самое главное — здесь никогда не встретишь того однообразного русского, когда все постройки тянутся

одной улицей, которая может тянуться больше км., вроде Карабихи и др. Гражданского населения нет, и если где и встречалось, то очень редко. Можно бы написать больше, подробнее обо всем, но некогда, да и незачем. Я и так сегодня пишу очень много, так как есть возможность, и это, наверно, будет нечасто. Ты не обижайся на меня, если буду в дальнейшем писать коротко и сжато — время не то, что под Мурманском. Пиши сразу, как получишь, очень прошу, если есть возможность. Не сегодня-завтра я буду еще дальше. До Хельсинок еще далеко, но, может быть, в скором времени и там побывать придется. Когда вернемся домой — загадывать еще трудно, но скоро. И эта мысль почему-то очень часто сейчас навещает. День и ночь дрожит лес от мощной канонады, и она ясно говорит, что Гродно наше, что победа недалеко.

Желаю всего самого лучшего!
С горячим приветом!

Опять Лешка
Толя

3

20 июля 43

Добрый день, Тася!

<...> Ты права, что твоя открытка для меня явится неожиданностью, и, если бы не обратный адрес, я бы ни за что не сказал бы, что это пишешь ты. Да и вообще разве можно было предполагать, что спустя почти четыре года и в такие дни, хотя и на бумаге, придется тебя встретить. Почерк твой очень изменился. Говорят, что с изменением почерка меняется и сам человек. Неужели такая резкая перемена и с тобой? Ну, об этом ты мне напишешь, и хотелось бы, чтобы тоже поподробней.

Из спировских ребят я держу связь только с Женей Р. От него я скупо узнал, что ты в армии, гвардеец: никак не можешь ты уложиться в моем представлении солдатом. Я много встречаю девчат в нашей шкуре. Смех и слезы. Ты не обижайся на меня, ибо я не говорю в частности о тебе, а вообще о всех. Напиши мне, что делаешь на войне и приблизительно где находишься.

Теперь скажу о себе и о своей жизни. Защищаю сейчас Заполярье, где уже нахожусь второй год. Живу хорошо и пока спокойно. Конечно, скучновато, да и Север надоел уже до предела. Кругом сопки с мелким кустарником и чахлыми елочками, река и небо. Май был холодный, хоть в шубе ходи, июнь немного потеплее, и только сейчас, в июле, ходим в трусах и майках, загораем и купаемся. Ночи, конечно, у нас нет, и солнце маячит круглые сутки. Вот и все прелести заполярной жизни. Немцы ведут себя спокойно, да и мы пока особенно не кипятимся. Сфера моя — эфир. Ты как будто бы тоже по этому делу. Стучишь или только слушаешь?¹

По званию я сержант, наград никаких не имею. В общем, личность ничем не привлекательная. О прошлой своей жизни скажу кратенько. До войны учился в Ленинграде, где несколько раз был у Жени и встречался с Разгуловым, Артёмом, Котовым и др. ребятами.² Потом был в Выборге, объез-

дил весь Карельский перешеек, защищал Ленинград, был в блокаде, где пришлось хлебнуть и голода, и холода. А с 1942 г. на настоящем месте. Родители до сего времени в Ленинграде. Не знаю, на кого они теперь похожи. Пишут, что сейчас пока все благополучно, но за будущее не ручаются и тревожно его ждут.

Ну, пока о своей жизни и все. Когда получу от тебя, то напишу подробней. Ты спрашиваешь, какой я. Не знаю. Или такой же, каким был, или же стал хуже. Напиши, пишет ли тебе кто из Спинова. Его мне никогда не забыть.

С горячим приветом, друг детства, хотя я не считаю то время детством.

Толя

Мой адрес: полевая почта 28546Д

¹ «Стучать» — на языке радистов означает работать на ключе азбукой Морзе. «Слушать эфир» — значит перехватывать (улавливать и вести запись) разговоров противника по радио.

² Речь идет о событиях 1940—1941 гг. (период с момента окончания школы в Спинове и до призыва в армию). А. Д. Алексеев называет имена общих знакомых по спиновской школе.

4

26.8.43

<...> Теперь скажу кое-что о своей жизни. Она течет пока без изменений, немного скучновато. Условия мои замечательные, так что обижаться не приходится.

Что ждет в дальнейшем — не знаю, так же как и ты, наверно, не знаешь, что будет с тобой завтра. Солдатская жизнь везде одинакова. Живу тоже в землянке, которую так назвать можно, если смотреть на нее извне. Внутри же она очень уютна, светла и просторна. Мы ее всю обшили внутри тесом. Работаю по 4—8 ч. в сутки, а остальное время большей частью свободен. Кино бывает редко, да я уже и отвык от него. Перечитываю Толстого с большим удовольствием и с новыми впечатлениями. Кончаю «Войну и мир» и уже прочел «Анну Каренину». Девчат знакомых нет, а если и встречаются, то все военные, на которых смотрю с нескрываемым ехидством и с насмешками (вологодские, вятские, коми и т. п.).

Не принимай, Тася, мое отношение на свой счет. Ты в моем понимании существуешь отдельно, так что не обижайся. У нас еще девчат нет, но, вероятно, скоро будут.

Если у вас подсолнухи и дыни, то у нас дикие сопки, камни и мрачное уже осеннее небо. Дождь часто льет несколько суток, а ночи — хоть глаз выколи. А ведь совсем недавно круглые сутки светило солнце. Такое уж Заполярье, и тебе, по-видимому, трудно его представить. Привык уже я к этим условиям, не так уж они страшны, но надоели они до предела. Не служба бы, бросил бы все и убежал бы куда угодно. Ни одного порядочного дерева, а только чахлые елочки да кустарник. Теперь лето кончается, скоро будет снег, темень и днем и ночью, и так до апреля.

Да, ты права, что я еще не совсем оглох от войны. У нас пока все спокойно. Ты хотя и пишешь, что мы близки друг другу по делу, но я этому не

верю. Связь связи рознь. Наше дело очень редкое в армии. Нам нужно очень хорошо знать врага. Может быть, ты делаешь то же, что и я, так как описанные тобой условия близки к нашим, только у нас они сейчас в связи с обстановкой более стационарны. Работаю я нач. р/ст¹ и штата. Про тебя скажу, что ты до основания пропитана солдатчиной, да это и понятно, так как у вас сейчас «жарко», а у нас «холодно». Приветствую твою веру в будущее. Впереди еще враг, которого нужно добить, которого добьем, и будем жить так же хорошо и еще лучше прежнего.

О родителях своих я тебе, кажется, уже писал — они в Ленинграде. Письма матери говорят о неуверенности дальнейшего существования, но они мужественно переносят все невзгоды и уже достаточно закалились. Освирепевший враг крошит без разбору и днем и ночью по городу как с воздуха, так и из дальнобойных. За здоровье их, конечно, не ручаюсь.

Где ты сейчас находишься — не знаю. Или же у Харькова, или же у Брянска, где-нибудь там. Как бы хотелось узнать! Пиши мне, где и как живут девчата. Передай им от меня большой привет. О Т. Б. кое-что слышал. Если это истина, то ее судьба меня мало интересует и тем более не волнует. Она уже перешла грань моего понимания и интересов, но воспоминания о прошлом навсегда останутся лучшими воспоминаниями.²

Ты просишь фото. Для других у меня нет, но для тебя я все готов исполнить. Посылаю карточку (прости, что нет лучше) образца июня 43 г. Может быть, ты ответишь подобным. Буду очень рад.

С горячим приветом

Толя.

¹ Радиостанции.

² Тамара Бесчастнова входила в круг наших друзей. Толя был по-юношески влюблен в нее, но это были слишком разные люди. Она — родом из Спинова (дочь рабочего стеклозавода), очень красивая, способная к точным наукам. Уехала в эвакуацию, вышла замуж за инженера завода, родила дочь. Мы с ней (единственной из нашей компании) виделись в Спинове, когда она приезжала к родным (*примеч. Т. В. Жаровой*).

<...> Где ты находишься, я так и не могу представить. О себе скажу, что живу по-старому. У нас все так же спокойно; все дела наши и мысли устремлены только к тому, чтобы помочь наступающему Югу. Замечательная у нас техника, да ты наверно о ней что-нибудь знаешь. Ровно два года я «утожил»,¹ а на днях дали мне нового зверька (ВПС-42).² В связи с этим и условия работы изменились. Раньше приходилось сидеть на улице в палатке, теперь же в теплом помещении, зато проиграл во времени — вместо 4—8 ч. в сутки теперь вкальваем вдвоем с дружкой по 12 часиков. Физического труда, конечно, нет, но все же утомительно, так что дни проходят однообразно — сон и работа. Зима у нас уже была самая настоящая, но уже несколько дней прошло с тех пор, и снова стоит грустная заполярная осень. Зимнее обмундирование получили замечательное, но пока еще не

носим. 10 октября мне исполнилось три года службы в армии. <...> будут давать положенные наркомовские 100 гр., а пока с этим делом у нас туго. Ну, вот и все о солдатской жизни. Надоело уже здесь сидеть, но начальство, как видно, больше знает.

Ну, пока и все.

Пиши, получила ли мою рожу.

С горячим приветом

Толя (по паспорту)

Лешка (армейская кличка с июня 41 г.).

¹ Т. е. работал на пеленгаторной станции (см. примеч. 1 к письму 38).

² Войсковая пеленгаторная станция (модификации 1942 г.).

6

8 ноября 43

Здравствуй, дорогая Тасенька!

Сегодня получил твоё письмо от 6 октября. Как долго идут письма! Впервые, поздравляю тебя с высокой наградой, искренно рад вместе с тобой.¹ Ты молодец, Тася! Из тебя вышла настоящая патриотка, ты не сравнена ни с кем из своих бывших подруг хотя бы даже тем, что ты солдат. Жалеть не нужно, если ты с ними совсем потеряешь переписку и дружбу, — их дорога не та, что наша. Я бы никогда не хотел потерять с тобой дружбу. Письма твои для меня большая радость, и не только потому, что ни от кого не получаю таких, а потому, что в них есть что-то близкое, родное. Не считай мои слова смешными, ничего не значащими, да я думаю, что этого никогда не будет, хотя сомневаюсь, что ты понимаешь меня во всем. Наше дело сейчас — отстоять свою родину, добить немца. Как верится, что недалеко время полной победы. Взят Киев! Признаться, я считал его каким-то далеким, недосыгаемым, но оказывается, для русских нет ничего непреодолимого. А впереди зима, которая даст жизни немчуре. У нас же все еще спокойно (по сравнению с вами), следим за наступающими армиями по карте. Скоро Украина будет свободной. Но враг еще сидит под стенами Ленинграда, в Новгороде и в других знакомых мне местах. Будет им и там вроде Сталинграда. Мать пишет, что в городе сейчас спокойно, порядок такой, как в мирное время. Овощами запаслись в достаточном количестве, так как пайка все еще не хватает. Живут они на Выборгской в Финском переулке (рядом с Финляндским вокзалом).² Как бы хотелось там сейчас побыть! Я люблю Ленинград всей душой. О себе писать особенно нечего. <...>

О личной жизни тоже не могу сказать ничего хорошего. Она без развлечений, не считая кино и книги. Увлекаюсь Блоком до запоминания наизусть. Вроде научился танцевать, но бросил это занятие, и если не совсем, то надолго. Из моих последних слов ты наверно сделаешь вывод, что я совершенно не похож на солдата. Это неверно. Причина всего этого состоит в том, что мы уже отвыкли от постоянных перемещений, а живем сейчас

стационарно. Я даже забыл, что должен иметь свою ложку, котелок и уже два года не мотал обмоток. Ну ладно, когда-нибудь опишу поподробнее о своей жизни, если интересуешься. А может быть, она тебе так же знакома, как и мне. Мне все-таки кажется, что ваши близки нашим.

Вчера я отпраздновал два праздника — годовщину Октября и день своего рождения. Мне исполнилось 21 год. Становлюсь стариком. Лучшее, золотое время проходит незаметно и бесполезно. Не так бы прошел этот день дома в мирных условиях. Собрались мы вчера трое (лучшие друзья), чествовали меня, ну и выпили, конечно, по 300 г. Пошли разговоры, воспоминания и прочие солдатские житейские мелочи. На этом все и кончилось.

Получил благодарность от командира части, и еще ожидается что-то хорошее по делу разведки, о чем пока не стоит писать. Ну, вот и все пока о своей жизни.

Пиши о своей жизни. Где ты? Ведь Украина большая, хотя об этом и нельзя писать. Жене я пишу, но за последнее время редко пишу, редко и получаю. Больше ни с кем из старых друзей связи не имею.

Пиши, что думаешь о будущей жизни, ведь не вечно же будет война. О себе я ничего не могу сказать утвердительного. В армии пожизненно я ни за что не останусь, а специальности, кроме армейской, у меня нет. Остаться радистом навсегда нет желания. Учиться дальше — думаю, что уже упущено время. Я все-все позабыл, что учил в школе. Стыдно сказать, что не помню ни алгебры, ни геометрии и вообще ничего. А за спиной отца и матери долго не проживешь. Тася, как бы хотелось увидеть тебя настоящую, живую. А ведь будет это в недалеком будущем. Я знаю, что ты теперь не такая, какая была когда-то, а какая — не могу представить. Бывают минуты, что ни с того ни с сего встает перед глазами спировский стадион, потом скамейка недалеко у клуба, где мы катались на велосипеде. И так бывает иногда весь день. Но это бывает временами. Ты прости меня за мои грустные размышления, я вообще кончаю.

Симонова читал много, но что-то мало обращал на него внимания. Постараюсь достать его и прочитать.

Жду фото. Пиши почаще, а то получается, что через месяц мы письменно разговариваем друг с другом.

Всего лучшего, счастливого, дорогая.

С горячим приветом!

Толя

(Лешка) — армейская кличка

¹ Т. В. Жарова была награждена медалью «За боевые заслуги».

² По этому адресу А. Д. Алексеев жил до конца своих дней.

<...> Меня очень удивило твое обращение: «Лешка». Я его никак не ожидал. Происхождение его обыкновенное — от фамилии. Сначала Алек-

сей, потом неожиданно Лешка, ребятам понравилось, мне тоже (это было на Ленинградском), и с тех пор оно вкоренилось на всю войну. Хотя все ребята знают мое настоящее имя, все же я его никогда не слышу. Более того, я совершенно отвык от настоящего имени. Был случай, когда меня в разговоре называли Толей, я машинально счел, что обращались не ко мне, хотя такого имени у нас нет. Пришлось повторить его еще раз, и только тогда под общий смех я понял, в чем дело. Так что привычка — очень сильная вещь. Командиры тоже в соответствующей обстановке зовут так же. Но это, конечно, явление временное. Ты же меня так не называй. Теперь тебе ясна эта незамысловатая история. Теперь скажу о своей жизни. Она все так же однообразна, неинтересна. Условия скучны: кругом сопки, покрытые снегом с редким кустарником и чахлыми елочками, болота и серые дни. Вместо солнца в ясный день приятно розовеет юг к 12 часам, а затем наступают сумерки и ночь. Что будешь делать в таких условиях? И так, я думаю, будет до конца войны. Пожалуй, мы здесь не тронемся с места, да это и незачем. Командование лучше знает, где действовать, а наше дело — стой, неприступно держи фронт. Скажу о ребятах, окружающих меня. Замечательный народ, сжившийся с начала войны. Большинство ребят ленинградских со средним образованием и несколько человек украинцев (Каховка, Николаев). Вполне понимаю настроения вашего вечера. Они мне напомнили когда-то прочитанную книгу «Друзья встречаются» (автора не помню), где так же 5 друзей после гражданской войны назначили срок встречи.¹ Спасибо за приглашение. Мы, конечно, встретимся, но не знаю, когда и где, и думаю, года до встречи мало. Уговор твой о нашей переписке вполне принимаю. Поздравляю тебя с победами как ветеранку, вполне заслужившую эту славу. Я же пока ничего подобного о себе сказать не могу. Ты называешь меня «птицеловом»: я это слышу в первый раз. Может быть, у вас так нас называют, мы же грубо себя зовем (в своем кругу) «утюжниками». Не смейся над этим названием — это маскировка, а дело совсем не смешное. Наше дело засечь, а выводы из этого делает командование. Если близка с эфиром, то поймешь. Занятия у нас бывают, но редко, да и то политзанятия. Иногда бывает радиотехника. Как во сне вспоминаешь программу 10-го класса. Все перезабыто, даже стыдно. Взять из алгебры — формулу бинома, хоть убей, не помню, а о геометрии и тригонометрии и говорить не приходится. Так что о дальнейшем учении вопрос сложный, ибо нужно начинать с азов. Да и вообще вряд ли придется, так как время уже упущено. Считаю себя уже стариком. Иногда задумаешься — сколько прекрасного еще впереди в жизни (и оно, если живы будем, будет), а потом махнешь рукой, увлечешься чтением. Не считай меня глупым мечтателем. На войне каждый живет своей внутренней, одному только доступной жизнью, и даже мечтает. Редко таких встретишь, которые не имеют этой слабости. Что я читаю? Большею частью увлекаюсь стихами, и в первую очередь, как и ты, современной лирикой. Да, мне нравится Симонов, Сурков, Твардовский и особенно Иосиф Уткин. Нужно сказать, что я все-таки пропитан Есениным и Блоком. Это, конечно, не по моменту, но что же делать? И я горжусь этим. Часто у нас в подразделении устраиваются литературные диспуты, в которых большей частью фигурируют Маяковский, с од-

ной стороны, и Блок с Есениным — с другой. Некоторые ребята действительно здорово разбираются в поэзии, и подобные споры бывают довольно продолжительными и бурными, насыщенными различными доводами и цитатами. Результатов, конечно, от этих споров нет никаких, и по окончании их каждый остается при своем мнении. Да я, кажется, очень разболтался о житейских мелочах. Они тебе, наверно, скучны, да и все же нужно знать совесть — пора кончать.

Да, еще скажу, что обеспокоен за родителей. Газеты сообщили об усилившемся обстреле города. Не читала ли недавно напечатанную статью Н. Тихонова «Кровь Ленинграда»? Мать об этом или вообще ничего не пишет, или упоминает вскользь. А где твоя мамаша и сестренка?

И еще скажу о карточке. Большое спасибо! Конечно, желательно было бы получить лучшего качества, но, сознавая вашу обстановку, я понял, что лучшего пока нельзя получить, а все же хотелось бы получить лучшее. Ты, конечно, исполнишь мое желание, если будет возможность. А из этой я сделал вывод (к чему скрывать) — ты прекрасна и недоступна, такой ты и останешься в моей памяти навсегда. Она мне напомнила прежнюю Тасю, которую я знал когда-то очень и очень давно.

Ну, будь здорова. Пиши.
С горячим приветом!

Т.

P. S. Получаем водку, конечно, за выполнение заданий. Ну, мы и выполняем. Особенно здорово почти ни разу в этот год не напивался, а все же когда-нибудь трахнем на 100%. Предвижу, что это будет в Новый год.

Т.

¹ Имеется в виду диалогия И. Бражнина: «Мое поколение» (1936) и «Друзья встречаются» (1940).

Здравствуй, Тася!

Пишу накануне Нового года. Перспектив на замечательную встречу 44-го мало, но все же встречу его лучше прежних военных годов («истина в вине!»). Жизнь моя в основном прежняя. Желание смыться с Севера, по-видимому, останется желанием до конца войны. Ведь и здесь фронт, и не менее важный. Недавно мне была возможность смыться в Ленинградское училище связи учиться на лейтенанта по своей специальности (срок 2 года), но я отказался. Думаю, что тебе не понравится это решение. Все вы сейчас обожают звездочки, может быть, и ты относишься к этому классу. Пишу за «машинкой» в своем «салон-фургоне». За окном метель, в телефонах шум, треск и пр. Почти все время проходит дома, за приемником, даже от кино отвык. Поет Леня Утесов — «Как я люблю глубину твоих

ласковых глаз...» («Темная ночь»). Хотя и хорошие вещички дают маяки, а все же уже надоело их слушать. О себе писать больше нечего — Лешка все тот же, каким был раньше, только внутренне за последнее время изменился. И виновата в этом только ты и твои письма. Ведь наш возраст очень опасный, и никакая дружба не может служить препятствием. Впрочем, зачем много говорить: я свое состояние выразил в другой форме. Ты будешь смеяться, я знаю. Смейся, но только одна, так как посвящено это тебе одной.

Т. Ж.

Забыв наши будни, как будто больной,
С мечтой о тебе засыпаю.
Тот образ далекий, быть может, родной
Я снова во сне повстречаю.

А сердце так глухо забьется в груди,
И мысль далеко где-то бродит:
Ведь не было счастья, вся жизнь впереди,
А юность так быстро проходит.

Что делать? Как глупому сердцу внушить,
Что черная бездна меж нами?
И только ты в силах одна потушить
В душе расплывшее пламя.

Так сделай скорей — потуши, растопчи,
Чем ждать той предвиденной встречи.
Быть может, я этим тебя огорчил,
Прости за нескромные речи!

Вот она — кульминация, которая, вполне возможно, что приведет тебя в негодование. Может быть (а я в этом уверен), что письма мои тебе больше не будут нравиться, что наша переписка вообще пойдет на убыль, о чем я буду только жалеть. Но двум смертям не бывать, а одной не миновать. И если это будет так, то пусть эти строки останутся тебе на память. Ну, вот и все. Если не сердись, пиши.

P. S. А пожалуй, я дурак, хотя и написано все искренно.

Т.

9

4 марта 44

Дорогая Тасенька!
Привет с края Земли!

Писем твоих все нет. Ты не можешь представить, как я их жду в эти дни. Может быть, я слишком много на себя беру, но скажу прямо, что они для меня стали самым дорогим предметом. Даже больше: в последнее время ты одна приковылаешь к себе мои мысли, в чем я сам себе не могу дать

отчета. Может быть, тебе это покажется смешным и неправдоподобным, но ты мне должна верить. Я понимаю, что не имею права ставить тебя в такое положение, потому-то я и не верю, не чувствую под собой основания. Что это — болезнь или просто лирический образ? Ведь рано или поздно все это кончится. Наши письма с некоторых пор стали письмами настроений. Не всегда их есть желание читать, так как они будут казаться скучными и неинтересными. (Я говорю о моих). Ну ладно, об этом хватит, ситуация и так ясна. Живу, Тася, по-старому. Обижаться ни на что не приходится, если только на наше отчужденное положение и плохие природные условия. Весь февраль был метельный, так что даже неделями не ходили машины. Время проходит все так же однообразно, <живу> почти не выходя из нашего небольшого «гарнизона». Работаю по 8 ч. в сутки, в кино бываю редко и почти ничего не читаю. Дома целые сутки на столе стоит «усик»,¹ каждый выбирает музыку по своему вкусу. Распорядка дня у нас, конечно, никакого не существует, так как люди работают круглые сутки. Почти каждый день кто-нибудь навеселе, так как нам дают по 100 г. Вот так и живем.

На правом фланге великого фронта все так же спокойно, но война идет, только позиционная. Понятно, что такое положение долго продолжаться не будет. Вопрос с Финляндией принимает интересный оборот, основным толчком к которому послужили переговоры между Коллонтай и финским представителем.² Для нас это представляет особенный интерес. Несомненно, что дальнейший ход событий вызовет какие-нибудь изменения в нашей жизни, а значит, есть проблеск на то, что, может быть, и придется распрощаться с «цветущей Карелией» (мы так зовем нашу местность, хотя мы и далеко от настоящей Карелии). Но это еще вилами по воде писано. Версия на то, что придется куда-нибудь сдвинуться, все же несущественна. Такое уж наше дело. Ну что ж, будем ждать. Ну вот и все о своей жизни и перспективах. Дома теперь все благополучно — нормальная спокойная жизнь. Кроме тебя письма получаю от Ж. Р., но реже, чем от тебя. Далек вы все от меня, все где-то на юге. Пиши, Тася. Прости, что вовремя не поздравил тебя с вашим праздником 8 марта, я забыл, что он существует. Ну, всего лучшего во всем.

С приветом

Лешка

¹ Разновидность самолетных связных радиоприемников типа УС («Устройство самолетное»).

² В начале 1944 г. «советское правительство имело данные о том, что Финляндия уже начала искать пути выхода из войны. Еще в феврале под влиянием поражения группы армии „Север“ финляндское руководство санкционировало поездку в Стокгольм Ю. К. Паасикиви с целью выяснения через советское посольство возможности достижения мира с СССР. Полпред в Швеции А. М. Коллонтай передала ему предварительные условия советского правительства для заключения перемирия. <...> Однако после этого, 17 марта, с финской стороны было сделано уведомление о том, что заранее советские условия не могут быть приняты. <...> 19 апреля Финляндия официально отклонила предложения правительства СССР, и связи с Москвой были прекращены» (Ленинград в борьбе: месяц за месяцем. 1941—1944. СПб., 1994. С. 303—305).

Тасенька!

Вчера получил твое письмо от II—II.

Все, что было тобою в нем сказано, я отлично понял. Тася, с тобою я уже привык говорить откровенно. Так будет на этот раз и вообще в будущем. Я ждал этого письма и знал, что оно будет или же таким, какое оно есть, или же еще хуже. Ответ твой мне понравился. Я понял то, за что ты меня раньше отличала от «многих», и почему я теперь стал похож на «них». Да, я не тот, каким ты меня представляла раньше. Я не собираюсь разыгрывать роль неудачника, а также не хочу и восстанавливать себя в твоём мнении, так как знаю, что это бесполезно. Уж пусть лучше буду таким, какой есть. Ты ведь тоже в моих глазах не такая, как все, которых кругом очень много. А это и есть самое ценное. Главное — сохранить кристалл души, и ты его сохранила, а я, наоборот, не только не сохранил, а совсем потерял его. И в самом деле, кто я такой после этой развязки? Лучше определить нельзя: безотчетный игрок, набравший 22 очка. Состояние мое такое, какое бывает после пробуждения от тяжелого сна. О, если в тебе есть хоть незначительная доля этого, то я тебя понимаю. Ну, а если, допустим, был бы мой выигрыш, то что бы было дальше? — А ничего... Ты помнишь Рудина... Прости за сравнение, оно довольно грубо для меня и не по моменту. Я не рисуюсь этим, но в этом большая доля правды. То, что было когда-то сказано мной, простительно человеку, переживающему «зарю туманной юности», а уж я ее прошел давно. Пора понять, и в особенности мне, что такое жизнь, и, поняв ее, глядеть холодней и строже ей в глаза, конечно, не теряя смысл жизни и всего того, что есть в ней лучшего. Я знаю, что ты назовешь это письмо слишком сентиментальным, знаю, что ты не такого склада, но пойми, что мне сейчас без нее не обойтись. Иногда бывает такое настроение, когда ни существа, ни вещества нельзя поставить ему причиной. Ты меня, конечно, понимаешь. Нет, Тася, я не хотел топтать нашей дружбы. Пусть лучше она останется самой чистой и настоящей, и, я думаю, что такая будет самой прочной. А идеал, которым ты мне служила и служишь, пусть тоже остается, и он ничему не помешает. Одно меня еще интересует: почему ты считаешь мои письма «особенными», привыкла к ним и, как мне кажется, дорожишь ими? По-моему, ты переоцениваешь. Насчет того, случилось ли что между нами или не случилось, — внуши себе, что ничего не случилось. Может быть, я в твоих глазах стал «опасным», ну что ж поделаешь — таков уж наш возраст. «Жаргон» от меня больше не услышишь. Он вообще стал малоприменим, а в подобных случаях и по-давно.

О своей жизни пока писать нечего, а если что и есть, то напишу о ней поподробней когда-нибудь. Природные условия у нас все так же непривлекательны. Снегу кругом очень много, метели периодически сменяются морозами, хотя и небольшими. Какой контраст с вашей природой: весенняя степь, цветы, солнце, дожди. В прошлом письме я, Тася, слишком много уделил внимания финскому вопросу, так как тогда это было по моменту. Теперь же ясно, что из этого получился пшик, а если так, то Север скоро

будет ареной крупных боев, что уже сейчас чувствуется. Ведь недаром здесь те, кто брал Новгород и Любань. Радостно сейчас следить за вашими активными и смелыми действиями, которые двигают фронт все дальше и дальше на Запад. А все-таки кто ты, я до сих пор и не знаю. Знаю только, что что-то близкое ко мне, и знаю, что не пехота.

Ты снова спрашиваешь, получил ли я карточку. Я получил уже давно маленькую (кадр от «лейки»¹), а больше ничего не получал.

Ну, будь здорова. Желаю всего лучшего во всем.

С приветом! Пиши.

Лешка

P. S. Не думай, что я на тебя обижаюсь.

¹ «Лейка» — широко распространенное русифицированное название кино- и фотокамер немецкого производства (фирма «Leitz»).

11

[Апрель—май 1944]¹

<...> командующего генерала армии Ватутина. Страна во время войны, да и вообще, никого еще так не хоронила.² Желаю вам успеха с Жуковым — выдающимся и талантливейшим полководцем и военным стратегом нашего времени.

Ты, наверно, очень долго ждала моих писем, так же как и я долго ждал твоих. Сегодня я получил сразу два: одно запоздалое от 28—II, другое от 11—4. Что-то последнее пришло очень быстро. Может быть, и все последующие будут приходить так же быстро. Да, я за последнее время очень редко пишу письма, не потому, что забываю старых друзей, а просто был такой период нежелания и равнодушия ко всему. Посыпались беспокойства и обиды даже со стороны матери и отца, в чем я всегда был аккуратен.

Ты пишешь о весне такой, какой я уже давно не видал. Теперь-то и я могу сказать, что и у нас наступает весна. Небо хмурое, снег тает и днем и ночью, но до земли еще далеко. Дни стали длинными: рассветает в четвертом и темнеет в 21. Теперь уже недалеко то время, когда солнце не будет заходить. Жизнь все та же, можно сказать, без малейших изменений. Теперь могу сказать твердо, что в Заполярье засел крепко, до конца войны, чем очень недоволен. Ты спрашиваешь, есть ли у нас девушки? Вообще-то в части есть, но они далеко от нас <...>* и по-русски-то по-настоящему не умеют говорить и <...> кроме своего областного города Вологда, хоть убей, ни одного города не знают. Статей из «Комс. правды» я не читал, так как у нас нет этой газеты, но я знаю, что ты хочешь этим сказать. Твои обвинения, направленные по моему адресу, мне кажутся слишком резкими. Если я что и писал по этому поводу, то мне диктовала окружающая обстановка. Нельзя же ставить всех на одну ногу. Нет, я не принадлежу к тем, кого ты так клеймишь! Одно мне кажется, что ты чересчур растворилась солдат-

* Фрагмент текста изъят цензурой.

скими буднями и, кроме них, ничего не видишь. Если бы ты побывала с наше время в нашей неподвижной обстановке, где, кроме сопок, землянки, солдат да северного сияния, ничего не увидишь, то, может быть бы, смотрела по-иному. Когда в жизни разнообразие, красочная природа, то, конечно, все будет казаться нормальным и не будет тянуть в другой мир. Я не знаю, где я буду находиться после войны — в деревне или в городе (против судьбы не пойдешь), но если на то будет моя воля, то уж в просторной избе на берегу Оби ни за что не буду. Для каждого, любящего свою родину, родная страна — рай, и он ни на что ее не променяет. Потому-то твои друзья и не думают ни о чем, кроме тайги. И они по-своему правы.

Да, меня тянет в город со всеми его прелестями мирной жизни. Пускай я буду принадлежать к классу тех мечтателей, которые видят впереди красивые костюмы и богатую обстановку, — это не так зазорно. Я знаю, что красота жизни заключается не во внешности, но все же и внешность имеет большое значение. Может быть, ты когда-нибудь меня поймешь и согласишься со мной.

Читаю очень мало, так как ничего нет. Если что и читал, то перечитывал старое («Воскресение» Толстого, «Собор Парижской богородицы» Гюго и др.). Читал Симонова, о котором ты мне с восхищением писала. Передо мной и сейчас лежит синенькая книжечка стихов 36—42 гг.³ Да, я тоже очень увлечен ими, и особенно последними. Очень жизненная вещь «Первая любовь», правдиво, до тонкостей, пережитая многими. А такие, как «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины», «Я пил за тебя под Одессой в землянке» и др. я знаю наизусть. Между прочим, я видел Симонова в начале 42 г. в М<урманске>. Как сейчас помню, он вышел со мною рядом из ДКА с капитаном II ранга и сел в «эмку». Конечно, отчетливо разглядеть его не пришлось, так как было у подъезда темно и продолжалась встреча 2—3 минуты.

Кстати, я, кажется, тебе еще не писал <...>. * Типичный <...> город, который я хорошо знал <...>, так знаю и сейчас. Бываю там довольно часто, но привлекательного в нем ничего не было и нет. Гитлер в 42 г. хотел стереть его с лица земли, так как он был и сейчас является <...>. Это чувствуется не только по вооружению, но и по продуктам питания, которое у нас почти все союзное. По улицам города очень развязно гуляют английские и американские моряки. Если смотреть на них со стороны, то подумаешь, что они свалились с другого света. Вот, например, я видел вчера: идет по улице человек 10, со смехом и выкриками на своем наречии, и на ходу, не обращая ни на кого внимания, играют в какую-то игру, которая заключается в кидании друг другу апельсина. Если кто из играющих не поймает апельсин, то смех и крики усиливаются, и с того, по-видимому, штраф. В театре они курят, смеются не по ходу действия и сидят обязательно с русскими дурами (девчатами), которые считают за особое удовольствие находиться в их обществе. Зато сигаретки у них замечательные.

Ну ладно, нужно тоже знать совесть, а то очень разболтался. И все это потому, что давно не писал. Ведь я тоже больше никому так и столько не пишу. С Р. Е. я переписываюсь, но наши письма идут тоже очень долго.

* Здесь и далее фрагменты текста изъяты цензурой.

С ним у меня особенный язык и особенные темы, хотя и не всегда откровенны. Школьные годы я вспоминаю только из твоих писем. Ты вспоминала «рыжее пальто», а я его что-то не помню, зато азбуку помню очень хорошо. Опять ты в одном из писем упоминаешь фото. Я получил только маленький кадр из «лейки», если ты спрашиваешь про это, но это было очень давно. Теперь я знаю, где ты служишь, только не понимаю, почему ты в наряде и, если не ошибаюсь, часовым. У нас для этого есть особые люди, а операт. состав от этого избавлен. Наше дело должно быть и у вас, так как без него нельзя определить, где находится самолет.⁴ Ну, пиши чаще. Желаю всего лучшего.

Р. S. А кто такая Надежда? Видно, из последних подруг.

Толя.

¹ Начало отсутствует; письмо датируется по содержанию.

² *Ватутин Николай Федорович* (1901—1944) — генерал армии (1943), Герой Советского Союза (1965, посмертно). Во время Великой Отечественной войны — нач. штаба Северо-Западного фронта, заместитель нач. Генерального штаба. С 1942 г. командовал войсками Воронежского, Юго-Западного и 1-го Украинского фронтов. Был ранен; скончался от ран (на Зап. Украине).

³ *Симонов К.* Лирический дневник. М., 1942.

⁴ Имеются в виду службы, занимающиеся обнаружением самолетов противника.

12

21 мая 1944

Здравствуй, Тасенька!
Привет с края Земли!

Признаюсь, что я давно тебе не писал и примерно столько же не получал от тебя. Последние твои письма приходили без соблюдения хронологии, а именно: февральские и апрельские или же приходили одновременно, или же последние раньше первых. Но это не имеет значения — лишь бы они были от тебя, а остальное неважно. Я бы тебе написал значительно раньше, но для этого не было подходящей ситуации. 16—V вернулся из «командировочки», т. е. оттуда, где нет наших и откуда можно не прийти. Что нужно, сделали, узнали, поработали на своих «машинках», видел горных егерей довольно близко, и благополучно вернулись назад. Всего, конечно, не расскажешь в письме, что было по ту сторону за три дня, но ты меня понимаешь. Сейчас опять жизнь стала как будто бы мирной. 17 и 18 «отдыхал» — 17-го не помнил, где я и какой я, а 18-го спал почти весь день. Нахожусь на старом месте и работаю по-старому. Я привык тебе в каждом письме в порядке дневника описывать нашу природу — так сделаю и в этот раз. Хорошего о ней опять ничего нельзя сказать. Дни пасмурные, холодные, идет снежок, чередуясь с осенним мелким дождиком. Снег еще лежит местами, и, конечно, он у нас нетронутый на высоких сопках. Зато преимущество у нас в одном — мы уже давно забыли, что значит освещение в ночное время. Тася, ты не можешь себе представить это. Ведь круг-

лые сутки стоит день с совершенно неощутимыми сумерками к 24 часам, которые через час исчезают. Границы между днем и ночью не существует. В распорядке нашей жизни не существовало и не существует ни отбоя, ни подъема, а сейчас это особенно заметно, так как зачастую ребята спят днем, а ночью бодрствуют. Работаю по 8 ч. в сутки, а остальное время, если не считать политзанятий, бесед и пр., свободен. Если свободен вечером, то почти каждый день кино и танцы. Ты, может быть, завидуешь мне, но я бы с удовольствием променял все это на вашу жизнь, чтобы чаще быть на колесах, чтобы постоянно менялась декорация. Я знаю, что сопки, которые окружают меня более двух лет, будут мне 5 лет после войны мерещиться. Вот до чего все это надоело!

Ну ладно, о себе пока хватит. Жду вестей от тебя. Живу сейчас, ни о чем не думая. Мать пишет в письмах, что Ленинград возрождается с каждым днем, пишет, что часто бывает в театрах, что вернулись артисты Мариинки, что начинает копать огород в Новой деревне, и пр. и пр. Насчет театров завидую очень. Ведь когда-нибудь же будем там! Одно только мне не нравится, что у отца должность сейчас плохая. Работает он н-ком восстановительного участка, куда входят: Волховстрой, Мга, Вырица, Луга, Новгород, Русса. Вообще-то я сам в этом мало разбираюсь, но знаю, что волчья должность. Старик он бойкий, но я знаю, что ему это не по нутру. Ты ведь знаешь, что он железнодорожник, а значит, тоже военный, так что с их желанием тоже не считаются. Ну, кончаю.

Всего лучшего во всем. С горячим приветом!

Пиши, пиши! Жду.

P. S. Говорю без совести: шли хорошее фото, а то — «эрзац»!

13

8 мая 44

Здравствуй, дорогая Тасенька!

Привет с края Земли!

Тася, последний период характерен очень редкой перепиской между нами. Для меня сейчас получить письмо — большая радость. Но они, как нарочно, меня избегают и тем самым как бы мстят мне за то, что я совсем недавно не обращал на них внимания. Одни только письма матери да поток, как морские волны, с равномерной последовательностью и с одинаковым содержанием приходят ко мне.

Теперь и у нас наступает хорошее время.

Май жестокий с белыми ночами!

Вечный стук в ворота: выходи!

Голубая дымка за плечами,

Неизвестность, гибель впереди.¹

(Блок)

Это я разбежался словами моего любимца. Действительно, наступили белые ночи, так как темноты уже не ощущается. Днем стоит теплая ве-

сенняя погода без ветров и вьюг, ночью ясно, морозит. Но настоящей весны, когда все зеленеет, еще нет, так как снегу кругом немного меньше, чем в марте. Даже на дорогах не видно земли, а о других пространствах и говорить не приходится. Не сегодня-завтра отберут зимнее обмундирование и выдадут летнее, хотя уже большинство здешних солдат получили летнее.

Майские праздники прошли замечательно. Первого был у нас торжественный обед с гостями, не исключая и гражданских. Было очень весело, так как недостатка на столе ни в чем не чувствовалось. Насчет этого дело было поставлено как нельзя лучше. Я же был в одинаковом состоянии и 30-го, и 1-го, и 2-го. За обедом мне пришлось кое-что прочесть из своего. Успех был потрясающий, вплоть до качания на руках. («Ну и хвостун же», — ты скажешь.) Потом патефончик, танцы, а я ушел работать. Накануне праздника припаяли мне очередную — широкую на погоны.² Вот тот предел, с которым я надеюсь смыться домой. Выше лезть незачем. Одно только меня смущает и наводит неприятные мысли — это то, что после войны, как мне кажется, дома не быть. Совсем недавно из части отправили группу ребят в офицерскую школу, причем с желаниями их особенно не считались. Ну что ж, если ничто не поможет, придется отдаться воле судьбы. Я уверен, что мне нигде плохо не будет, но все же...

Время проходит сейчас намного лучше зимнего. Теперь уже не чувствуется той апатии ко всему и скуки, а как только наступает свободный вечер, то стараешься куда-нибудь уйти. Кино и танцы бывают почти каждый день. Вот так и идут дни за днями. Ты, читая это, скажешь, что живут, развлекаются, войны не чувствуют, да и вообще не воюют. На 50% ты будешь права, а именно: то, что войны здесь по-прежнему не чувствуется, но воевать — воюем дни и ночи, и еще как! Ты, конечно, знаешь, что на мою долю не выпало идти вперед с автоматом, да и нельзя понимать, что именно те воюют. Наши люди и техника обеспечивают командование всем необходимым, и это, я думаю, намного ценнее. Не забыть Ленинградский фронт. Там на подступах к городу приходилось всяко, не исключая и встреч с глазу на глаз с противником. Ну ладно, — это только воспоминания, а об них когда-нибудь после. Пиши о себе и о своих делах. Я закрутляюсь.

С приветом

Толя.

¹ Цитата из стихотворения А. А. Блока «Май жестокий с белыми ночами!...» (1908).

² Т. е. получил звание старшины.

Дорогая Тася!

Вот опять от тебя давно нет писем. А я жду и уверен, что завтра будет. Я знаю, что и мои приходят не чаще. Четыре дня я уже собираюсь написать и каждый день все откладываю. Причина одна — занят, и свободного вре-

мени сейчас почти нет, а если и есть, то не всегда есть возможность писать. Провернуть это дело на работе теперь нет возможности, так как вкальваю в две смены, и притом на командном пр-ке.¹ С 1 июня произошли изменения во внешней моей жизни, так как получили приказ срочно сменить место. Может быть, это к лучшему, так как переехали в небольшой, почти необитаемый поселок, а самое главное — сменили надоевшие землянки на деревянные домики. Пришлось много поработать, так как от перемещений за два года отвыкли. Технику установили на сопках (повыше — лучше) и сейчас работаем нормально. Чувствуется, что здесь долго не задержимся. Скоро придется двигаться дальше. Хотя я и не верил в скорое открытие второго фронта, но теперь это уже совершившийся факт, а значит, и плоды его могут превзойти все ожидания. Да, теперь война стала действительно такой, о которой говорили и писали всю войну. Ну что ж, пожелаем успеха соединенным силам.²

Сегодня 8 июня, а настоящего лета мы до сих пор не видели. Погода все время стоит холодная, а если ветер дует с севера, то обязательно идет дождь или снег. Старый снег еще красуется на сопках, как бы напоминая о Кавказе, и очень редко встречается внизу. Очень странная природа, хотя я к ней вроде уже привык. Рядом со старым снегом несмело зеленеет травка, давая знать, что весна уже наступила и лето не за горами. В общем, за все время только два дня пришлось походить без шинели. В прошлом году в это время вся земля была зеленая, и уже загорали.

А как хорошо сейчас в родных краях! Я одичал здесь, соскучился по всему тому, что так близко с ранних лет. А тебе тоже надоели степи и жара, — я в этом уверен.

На новом месте с местными «властями» и обычаями уже ознакомился. Сегодня днем около двух часов гонял в волейбол с моряками и со своими ребятами, а вчера вечером удалось вырваться на танцы. Гражданской публики здесь очень мало, а девушки напоминают портовых дамочек. Матросы достали импортных пластинок на русском языке, преимущественно Лещенко и Вертинского, да танго типа «В Сингапуре», а ты сама знаешь, что это за вещь, если приходилось слышать. Вот пока и все о себе. Не поверишь, но глаза слипаются, так как спал не более двух часов.

Пиши, дорогая! Жду! Ведь я ни с кем так не разговариваю в письмах. Огрубели не только чувства, но и язык. Да и вообще я, кроме родных да изредка Ж. Р., никому не пишу. Из дома пишут, что огородный сезон в полном разгаре, и огород опять где-то в Н. Деревне. Город изо дня в день преобразуется, реставрируется, и уже начали ходить троллейбусы. Вернулись артисты почти всех театров. Ну, кончаю и иду спать. («Как можно спать в такое время?» — вспоминаю твои слова.)

С весенним заполярным приветом!
Всего лучшего!

Толя

¹ Приемнике.

² Второй фронт был открыт 7 июня 1944 г.

16 июня 44

Здравствуй, Тасенька!
Привет с края Земли!

Твои письма стали приходиться еще реже. Я знаю, что они идут где-то в дороге, и не думаю, что они не пишутся. К письмам можно привыкнуть так же, как и к человеку. Завтра, наверно, придут от тебя опять два письма.

Тася, а я все нахожусь под радостным впечатлением освобождения нашими войсками Терийок. Как только услышал о прорыве обороны на Карельском перешейке, на меня сразу нахлынули приятные и грустные воспоминания, воспоминания о тех недолгих замечательных днях, прожитых там. Трудно объяснить человеку все достопримечательности, который ни разу не был в тех местах, но в моей памяти они остались на всю жизнь. Да, я мало пожил и еще меньше видел, но я почему-то убежден, что лучших мест, чем северный берег Финского залива, нет. Никуда меня сейчас так не тянет, как туда. Но вряд ли нам опять придется там быть, так как отца должность теперь не такая, какой была в Спинове и в Новгороде, а о своих возможностях я еще ничего не могу сказать. Если тебе когда выпадет возможность, то обязательно советую посмотреть Терийоки, Куоккалу, Райволу¹ и др. Теперь там, конечно, сожжено и разрушено больше прежнего. Домик наш, рассказывал отец, был сожжен в первый день отступления. Ну ладно, об этом кончаю, а то и так развез во весь лист. О своей настоящей жизни нового и хорошего ничего сказать не могу. В общем, живу неплохо и работы по горло. Сегодня, можно сказать, первый жаркий летний день. С непривычки от жары ходишь вялым и усталым. Сегодня же заметил, что трава намного выросла, а почки на деревьях превратились в крохотные листики. Только на высоких сопках по-прежнему еще белеет снег. Сейчас 10 м. первого (ночь), но солнце стоит над горизонтом и, не грея, по-вечернему ярко светит. Готовился к «командировочке», которая будет на днях и в которой мне снова придется участвовать. О всяких развлечениях давно забыл и отложил их до более лучших времен.

Пиши, Тасенька! Получила ли мою рожу № 2? Желаю всего лучшего.

Толя (Лешка)

¹ Ныне: Зеленогорск, Репино, Рошино.

20 июня 44

<...> За последнее время все чаще и чаще приходят мысли о других местах, а предчувствие как бы подсказывает, что здесь недолго осталось окопачиваться. Если же рассудить здраво, то и в самом деле так. Если новый 1945 г. нам не придется встречать дома, то если не дома мы будем, то

где-нибудь у порога дома, а это по сравнению с настоящим все равно что дома. Не думай, что я так рвусь домой. Нет. Я уже забыл, как живут дома. Но я почему-то уверен, что вы все будете дома раньше, чем я и мои настоящие друзья. Причин по этому поводу много и которые кажутся такими запутанными, что все и не описать.

Живу по-старому, без передвижений (если не считать частых и коротких выходов к последним нашим траншеям, а иногда и дальше, если этому благоприятствует обстановка). Работы по-прежнему много, а в короткое свободное время стараешься смыться куда-нибудь: или в кино, или кататься на лодке. Так вот и идут дни за днями, похожие друг на друга.

Пусть твое последнее письмо насыщено колкими замечаниями по моему адресу, а отчасти и полезными нравоучениями. Ты напрасно думаешь, что я на них стану обижаться. Наоборот, мне даже очень нравится ясность твоих мыслей. Я все понимаю и скажу прямо, что до этого многого в себе не замечал и что теперь мне стало также ясным. Нет, я еще в армии ни с кем не говорил и не переписывался, как с тобой, хотя бы и захотел найти такого человека, то при всем бы желании не сделал бы этого. Ты знаешь, какая здесь публика, какие у нее мысли и стремления (вернее, их вообще нет). Впрочем, я об этом тебе уже писал не раз. Из каждого получаемого твоего письма я все больше и больше убеждаюсь, что я один, с которым ты так искренно-сердечно разговариваешь. Мне почему-то кажется, что и из старых школьных друзей таких нет. И все же я не знаю, чем я заслужил это; а то, «что твои мысли отвечают моим», мне кажется, этого мало. Может быть, очень близкое сходство характеров — это вернее, но верится с трудом. Но что бы там ни было, я знаю, что многое из нашей переписки мне останется памятным на всю жизнь, как лучшие воспоминания о довольно скучных и пасмурных днях.

Как знать, — быть может, мы «странно встретились и странно разойдемся»,¹ но об этом вообще нечего думать. Ты опять меня назовешь пессимистом, а может быть, даже сделаешь свои обратные выводы, что вызовет совершенно ненужные недоверия. О, если б их не было!

За окном только что кончила заливаться мандолина и две гитары, а теперь перешли в комнату и начали крутить патефон, учась танцевать. А время — 10 мин. третьего ночи. У вас, южан, в 23 ч., наверно, отбой.

Ну, я, кажется, кончаю. Всего лучшего, Тасенька. Когда ты получишь это письмо, вы будете двигаться с боями дальше и дальше на запад. Все это к лучшему: чем дальше мы друг от друга, тем мы ближе становимся друг к другу, тем скорее мы (быть может) встретим друг друга в иной обстановке.

Пиши, дорогая подруга!
Будь счастлива и здорова.

Толя.

¹ Первая строка романа «Караван» (слова Б. Тимофеева; музыка Б. Прозоровского).

27 июня 44

Здравствуй, Тасенька!

Пишу тебе не из «дома», а из командировки, где нахожусь уже больше недели. Не знаю, сколько еще здесь пробуду, но думаю, что не более 3—4 дней. Здесь значительно южнее, а потому и местность совсем не такая, какая «дома»: нет сопок с белеющим снегом, да и темнота ночи ясно ощущается. Но погода такая же — ветер, дождь. Живу замечательно, так как ребята все свои, знакомые с начала службы (ведь часть-то одна). Подобные встречи бывают очень редко, но зато они радостны и приятны. Время проходит празднично. Свои дела все оформил и, самое главное, был на днях принят в партию. Ты, наверно, удивишься, что так поздно, но дело в том, что «дома» этого сделать нельзя. Сегодня все упаковал и теперь буду гулять по городу. Картины идут новые: «Северная звезда» и «Битва за Россию». Сейчас пишу и слушаю приказ о взятии Витебска. Да, время наступает интересное. Оборону немцев взламывают по всему фронту. Уже прозвучал первый салют в Москве и в честь наших побед (24 июня). Хотя я и не участник прорыва обороны на Свири, но все же горд, так как в этой победе есть и наш вклад.¹ Теперь ждем, что скажут Украинские фронты, которые тоже не спят.

Прости, что пишу так мало и схематично. Скоро вернусь в свое Заполярье и тогда напишу подробнее. «Дома», наверно, есть твои письма.

Желаю всего лучшего, Тасенька.

С горячим приветом

Лешка.

¹ Имеется в виду Свирско-Петрозаводская наступательная операция Карельского фронта (21 июня—9 авг. 1944 г.), в ходе которой от войск финской армии были освобождены г. Медвежьегорск (23 июня) и столица Карелии, г. Петрозаводск (29 июня).

24 июля 44

Здравствуй, Тасенька!

Получил твое письмо «с цветущих полей», посланное мне по северному адресу. Я его не ожидал и, конечно, был очень рад. Я всегда рад твоим письмам, а теперь особенно.

Твоя «заграничная» жизнь для меня не новость. Я тоже ее сейчас переживаю, хотя и не в такой изящной форме. Та же чистота, аккуратность, цветы, бетонированные колодцы, только ни одного местного жителя. Нет, это население не угнано насильно — оно само ушло, так как в поголовном большинстве оно непримиримо враждебно настроено к нам. Твоя любовь ко всему русскому, к России мне нравится, но, несмотря на все чуждое, новое, нам многому нужно поучиться у них.

О своей жизни и обстановке я тебе уже писал в прошлом письме — она все та же, хотя нахожусь я уже на новом месте. Время проходит все так же занято, но только нет никакого распорядка дня и занятий. Я сегодня не собирался много писать, так как писать пока не о чем, а потому подхожу к концу.

И еще насчет старого. Ты правильно поняла, что это были за «командировочки», о которых я тебе писал далеко не полно. Да, тогда был период, когда нам не хватало данных о противнике, которые мы могли дать на месте, и их приходилось добывать у него под носом, так как работа его была очень скрытная и исключительно дисциплинированная. Теперь же этого нет, так как его бьют, а когда его бьют, он забывает о всех мерах предосторожности. Меня очень тронуло и удивило твое чуткое отношение ко мне, о котором я тогда совершенно не думал. Спасибо, Тасенька! Это, несомненно, был большой вклад в наше общее дело, а опасность была очень и очень близка.

И еще хочу сказать, вернее, ответить на твой запрос, а именно: «не ошиблась ли я?». Конечно, люди бывают разные, и раскусить человека сразу порою очень трудно. Но на меня твое «все же напиши» произвело полный абсурд (если так можно выразиться). Таких случаев, о котором ты упоминаешь, конечно, много, и я сам был не раз их свидетелем. Случается это не столько от хвастливости и болтливости того лица, который это делает, сколько от чувства своего превосходства и неуважения к той личности, которая ему пишет.

А у нас, хотя и «не то», что у них, но, я думаю, и нет того, о чем я упоминал. Больше разъяснений и уверений по этому поводу не требуется.

Ну, вот и все, что я хотел сказать.

Остаюсь прежним Лешкой

(а для тебя Толей).

С приветом!

19

1 августа 44

Дорогая Тасенька!

Мне кажется, что я очень часто тебе пишу, а на самом деле очень редко. Домой пишу тоже редко, так как жду писем по новому адресу, а о себе им сообщать нечего. От тебя писем, конечно, тоже нет. А ты, наверно, по-прежнему пишешь, но все письма еще находятся в дороге. Тебе же я пишу письма большей частью в двух случаях: или когда веселое, жизнерадостное настроение, или же скучное, грустное. Сегодня как раз последнее.

Недавно снова расположились на новом месте, в поселке, где нет ни души, кроме небольшого числа солдат и офицеров. Дни проходят все так же незаметно за работой, а свободные вечера — хуже не придумаешь, так что в пору бы только выпить. Куда ни выйдешь — тихо, и лишь временами шемит душу гармошка. Ни кино, ни пляса, ни людей. А впереди очень близко притихший, пока недвижимый настроженный фронт.

Пришел в 00 ч. на работу, настроился со злости на Москву, а она еще больше подлила масла в огонь старинными вальсами духового оркестра под управлением Чернецкого. Сижу сейчас на финнах, а они ночью почти не работают, зато днем нам достается. Ведь эти бестии намного хитрее немцев.

И вот я в 02:40 начал тебе писать, а что писать, так и не знаю до сих пор. О погоде, о начинающемся рассвете — незачем, а больше решительно не о чем.

Прости, что пишу так мало и бессмысленно. Завтра я буду совсем другой, а сегодня...

Очень жду твоих писем, и ты знаешь, почему.

«Мне грустно потому, что весело тебе...».¹

С приветом

Толя

¹ Цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Отчего» (1840).

20

16 августа 44

Здравствуй, Тася!

Последнее твое письмо было от 18—VI, и больше нет. По установившейся традиции остается только ждать. Ну, я и жду. Вот уже больше месяца я стою неподвижно. Такая жизнь, конечно, намного хуже прежней. Погода стоит холодная, ежедневно идут дожди. Живем в сарае, а спим на сене. Ночи стали черными, каких я давно не видел. Да уж теперь дело о осени. Еще одно лето прошло быстро и незаметно.

Изредка бывает кино под открытым небом. Вчера шла картина «Жди меня» — это, пожалуй, все, что я видел нового в последние месяцы. Работать приходится большей частью в две смены. Ты близка к нашему делу, хотя функции у тебя другие. Работенка нудная и нервная, а сейчас особенно, и весь перехват приходится буквально выгрызать. Думаю, что мое пребывание здесь будет недолгим. Вероятно, придется проделать обратный путь, но не до конца, а вполовину короче. А пока живу спокойно и жду нового. Центральные газеты приходится читать с опозданием. Вчера прочитал статьи Кригера, Симонова и Горбатова о лагере смерти под Люблином. Пожалуй, ничего ужаснее еще не было. Все, описанное ими, никак не укладывается в моем понимании. Говорят, что за все отомстится, но какая может быть месть, да за это никакой подходящей мести не придумать.

Недавно узнал, что Арк. Котов в Спирове. Он демобилизовался после ранения в руку. Артемьев¹ находится в Туркмении. Больше ни о ком ничего не знаю. От Жени Р. давно нет писем, но он в полной безопасности.

Вот и все о себе и обо всем.

Желаю всего лучшего

Лешка

¹ Наш общий знакомый; родом из Спинова (сын железнодорожника). Где и кем служил во время войны, не знаю. Кажется, потом вернулся в Спиново (*примеч. Т. В. Жаровой*).

Добрый день, Тасенька!

Со времени моего последнего письма прошло много времени — произошли и большие перемены. Ты, наверно, думаешь, что я забываю или даже не хочу писать. Все это не так. Мне сейчас действительно очень мало возможности писать. Нельзя сказать, что я занят больше прежнего, но время проходит постоянно с людьми. Тебе же писать в этих условиях я не привык. Ты не осудишь меня, а поймешь правильно — я в этом уверен. Вчера, после долгого перерыва, получил твое письмо от 9/VII, которое, чтобы найти меня, прогулялось по трем полевым почтам. Теперь я могу сказать, что я объездил всю нашу республику вместе с ее столицей, был там, где были бои, да и сам, можно сказать, участвовал в них. Теперь же не то, а спокойная трудовая жизнь. Работаю на том же деле, но разница в порядках очень большая. Если до этого работал один или же 2—3 человека рядом, то сейчас работаю в таком помещении, где стоит больше 20 «машинок», и каждая выполняет свое задание. Да и дисциплинка намного выше: разрешите закурить, разрешите выйти, смениться и пр. До Мурманска я был в этих условиях, так что привыкать особенно не приходится. Здесь мне впервые в армейской жизни пришлось встретиться по работе с девушками, и неплохими специалистами. Все они сержанты, а некоторые и ст. серж. Офицеров кругом уйма, самых разнообразных чинов, а это мне больше всего не нравится. В общем-то, живу неплохо и весело. Погода стоит самая настоящая осенняя, хмурая. Реже приходится играть в волейбол. Местность очень напоминает крайний север, и разница только в том, что здесь нет сопок. Кругом равнина с мелким кустарником да небольшие населенные пункты. Вот и все пока о моих настоящих буднях. От писем уже отвык, но жду их и не теряю надежды, что получу все. Прости, что пишу так сухо, но написать лучше не могу. Ты права, что я меняюсь с каждым днем и смотреть стал на все равнодушно. Да, Тася, я привык к тебе только по письмам, а это мне кажется неверным и временным явлением. В письмах человек кажется всегда не таким, какой он есть в жизни. Не делай никаких выводов и предположений — все они будут неосновательны. Лучше уж быть сухим историком и пессимистом, чем самозабвенным, не вникающим в действительность человеком. В общем, и дверь есть, и замок есть, а ключа-то и нет. Уж тебе-то расшифровывать это незачем — и без того ясно. Теперь ты, наверно, скажешь, что и характеры наши разные. Что же делать! Ведь это же не какая-нибудь постоянная величина. Смотреть вперед и верить нужно всегда. Мне самому после войны жизнь рисуется ясной и красочной, как и тебе, но пути к ней еще не определены. Спасибо за хорошие пожелания во всем — того же и тебе желаю.

Самый большой привет!

Лешка

9 сентября 44

Тасенька, дорогая!

Вчера для меня был очень радостный день — я получил от тебя сразу три письма. А какие письма! Такие письма должен получать только любимый человек. И действительно, если бы их прочитал человек посторонний (но этого никогда не было и не будет), то он бы так и подумал. Как жаль, Тасенька, что все это не так!! Ты прости меня, что последние письма я тебе писал холодно, с резким и сухим содержанием. Я злился на тебя и на себя за наши спокойные, чисто дружеские слова, и не больше. Я не знаю, как благодарить тебя за такое чуткое и нежное отношение ко мне и за заботу и беспокойство. Я верю в них, но они меня не убеждают. О, ненасытное сердце! Ведь самые лучшие друзья точно так же относятся друг к другу, но они и остаются друзьями навсегда. Если бы мы были годков на десять постарше, то я бы об этом не стал бы говорить. Вся суть в том, что я не верю в дружбу нашего возраста, а если она и бывает, то бывает очень кратковременной. Кончается же она или «тем», или ничем.

Я залез в теорию любви и дружбы, но она-то тебе должна быть известна больше, чем мне. Вот потому-то я до сих пор и не нашел языка, потому-то и получают мои письма строгими и сухими. Да, ты не анализируешь наших отношений, а я, как назло, не понимаю их. Значит, Тасенька, северянин не удовлетворен. Ты никогда не бросалась зря словами, а сейчас особенно избегаешь этого, и это замечательная черта. Наша жизнь еще вся впереди, да она еще полностью и не завоевана. Большинство, конечно, живет только настоящим днем, а что будет дальше, то для них все равно. Я не причисляю тебя к их категории, но (не обижайся) и не удаляю от нее, так как ты сама называешь себя «простой смертной», а из числа таких «простых смертных» относящихся к этой категории очень много. Ладно, я кончаю об этом. Я много написал того, что вообще не собирался писать и, кажется, больше никогда не буду писать об этом. Тасенька! Ты знаешь, как я отношусь к тебе?! Да, ты, конечно, знаешь. Ты видела, наверно, картину «Март—апрель» и, наверно, помнишь слова Михайловой, сказанные капитану в конце картины. Вот они-то и являются определением наших, вернее твоих, отношений ко мне.¹

Теперь о себе и о своей жизни. Война сейчас у нас затихла и если не совсем, то до 15 сентября. Но для меня этот период намного ответственней, чем раньше. Раньше мы знали, что стоит против нас и где находится, — теперь же перемещения у них, а в этом нужно не запутаться и точно определить. Так что моя война стала намного активней.

Нахожусь на старом месте и довольно далеко от фронта (не думай, что опять в Заполярье, я от него далеко). Работаю по 8, а иногда и по 12 ч. в день на своем 12-м. Свободного времени очень мало, так как каждый день ввели занятия. Читать нечего. Кино и танцы бывают каждое воскресенье. А больше о себе и нечего писать.

Завидую той местности, где ты сейчас находишься. У нас же осень, холодно, каждый день идут дожди. Я северянин, но ту местность, где я сейчас нахожусь («цветущая Карелия»), не люблю. Лучше нет Ленинградской

области и нашей северной столицы. Я ведь дальше Москвы не был, не считая поездки в Крым и в Сочи, когда мне было 7—8 лет. Конечно, я ничего не помню.

Как хочется домой, как надоела серая, неуютная солдатская жизнь! А в городе теперь почти все, как до войны, только цены кругом сумасшедшие. О себе я уже решил: никуда не поеду из города, если не заставят. Мне не хочется видеть все то, что разрушено и уничтожено войной.

И еще. Зачем ты осталась такой, какой была в Спинове? Я говорю о твоих мальчишеских настроениях. Все это тебе так не идет. Я очень смутно представляю тебя, но я знаю, какая ты.

Ну, пиши. Очень жду!
Желаю всего самого лучшего.
До скорой встречи, дорогая.

Лешка.

¹ Экранизация рассказа В. Кожевникова «Март—апрель» (1942). Очевидно, имеется в виду следующий диалог: «Михайлова села и, придерживая на груди ворох одежды, глядя сияющими глазами в глаза капитану, громко и раздельно сказала:

— А знаете, я вас, кажется, очень люблю.

Капитан отвернулся. У него побледили уши.

— Ну, это вы бросьте.

— Я вас не так, я вас просто так люблю, — гордо сказала Михайлова.

Капитан поднял глаза и, глядя исподлобья, застенчиво сказал:

— А вот у меня часто не хватает смелости говорить о том, о чем я думаю, и это очень плохо».

Фильм вышел на экраны в 1943 г. Режиссер Вас. Пронин. Актеры: О. Жаков, С. Ланская, Я. Жеймо, С. Филиппов, А. Ширшов, П. Суханов, М. Трояновский. Сценарий: В. Кожевников, Н. Рожков.

23

2 октября 44

Здравствуй, дорогая Тасенька!

Прости за мои редкие письма и не думай, что у меня нет желания писать. Иногда так хочется написать тебе, написать так, как никогда не писал, но пока собираешься, выбираешь время, то в конце концов получается совсем не то. Нельзя сказать, что я до того занят, что не хватает времени на письма. Ведь ты же не мамаша, которой можно писать открытки одну за другой, которая все равно будет говорить, что редко, и в то же время будет всегда рада этому. Ты же занимаешь совершенно другое, не имеющее себе равных положение. Конечно, и до некоторой степени моя занятость влияет на нашу переписку, так как я по-прежнему, не считая время занятий, партучебы (которые бывают почти каждый день) и пр., 12 ч. работаю за приемником. Писать же тебе, как маме, — жив, здоров — я не хочу и никогда не буду. Твои письма приходят, я думаю, реже моих. Пишу второе письмо и не знаю, какую взять подкладку. А может быть, ты, получив мой предыдущий бред, совсем по-иному будешь относиться ко всему. Мне бы не стоило вообще тебе об этом писать, так как и без того ты все это должна понимать.

Теперь немного о своей жизни, хотя и писать о ней особенно нечего. Живу по-старому, спокойно, намного лучше Мурманска и, конечно, хуже походной, настоящей боевой жизни, когда я был в Питкяранта¹ и Петрозаводске. Работаю в теплом помещении, живу тоже в деревенской избе, где койка с одеялом и матрасом, стол и прочий неуютный уют. Положение наше сейчас, как мне кажется, неустойчивое, и в скором времени все же должны быть какие-нибудь изменения, возможно, и небольших масштабов. Ведь с финнами теперь дело улажено (более или менее), а немцы в недалеком будущем сами распрошуются с Финляндией. Бои идут, так как немцы добровольно еще ниоткуда не уходили, и бои будут еще ожесточеннее. Обидновато, если всю войну придется просидеть на Севере, где, кроме болот и сопков, ничего не видел, а между тем наши войска прошли всю Румынию, <были> в Болгарии и сейчас гуляют по Югославии. Ты помнишь картину «Заклученные», где Костя-Капитан говорит: «Хотел бежать в Турцию, а очутился на границе Финляндии». Вот и со мной наподобие этого (только я не заключенный).

Время проходит почти без развлечений. Правда, бывает раз в неделю кино, а иногда и танцы, но танцы такие, что я их давно забросил, да к тому же хороший танцор из меня не получился. Погода стоит, конечно, осенняя. Дни стоят ветреные и дождливые, а карельские ночи еще хуже.

Вот и все, Тасенька, о себе. Пиши! Очень и очень жду. Ты иногда в письмах в конце мне желала счастья. Спасибо! Ведь я с некоторых пор в него не верю. Даже Пушкин говорил, что счастья нет, а «есть покой и воля». И тем более не хочу слышать этого от тебя. Ведь тебе же не ново, что я люблю тебя, хотя и не так, как ты меня. Не думай, что это любовь от скуки, — я очень боюсь ее и избегаю с другими. Также боюсь и писем от скуки. Мои письма не от скуки, хотя они и могут с первого взгляда походить на них. Думаю, что и с твоей стороны не так. А насчет моей веры скажу, что она будет тогда, когда...

Вот теперь и все. Писал на работе, 06:30. В 09:30 пойду спать до 12-ти, а с 12-ти опять работать.

Самый горячий привет!

Лешка.

¹ Питкяранта — город на северном берегу Ладожского озера. С сер. XIX в. до сер. XX в. — крупный центр горнодобычи и металлургии. В результате советско-финляндской войны вошел в состав СССР. В июне 1941 г. город был отвоеван финскими войсками и находился в составе Финляндии до июля 1944 г., когда был вновь присоединен к России.

Здравствуй, дорогая Тасенька!

Я сегодня не собираюсь много тебе писать, а напишу только под впечатлением твоего последнего письма. Письма твои я получаю и очень им рад, хотя и думал, что оборот дела будет намного хуже. Из твоего последнего письма видно, что ты имела прикосновение с противником, и как будто бы

косвенное. Да, твоя жизнь намного интереснее моей. Подобное было и в моей жизни, только блистательных эпизодов почти не было, а если и были, то о них сейчас незачем упоминать. Наши письма, «как летопись боя, как хроника чувств» и в этом их, конечно, большая ценность.¹ Моя настоящая жизнь на грани больших изменений. Описывать подробно незачем, так как ты сама хорошо понимаешь обстановку в наших местах, а следовательно, прощай, настоящая жизнь, и здравствуй, новая, так как делать здесь совершенно нечего.

Я оторвался от основной мысли, а именно, насчет твоего последнего письма. Не скрываю, что во многом завидую твоей обстановке, хотя и понимаю, что тебе она очень не по душе. Ты далека сейчас от Родины, и тоска по Родине свойственна каждому русскому человеку. Я же так и не покинул Россию и, по-видимому, долго не покину ее. Я до глубины души понимаю и переживаю твои слова: «Россия! Далекая родная Россия!». Эти чувства сейчас затрагивают мысли большинства русских, горячо любящих свою Родину. Не случайно, что эта тема сейчас очень популярна во всех областях искусства и, главным образом, в поэзии. Мне очень понравилось одно из последних стихотворений Евгения Долматовского «Осень», которое начинается:

В России багряная осень,
Прозрачная синь, листопад,
И ветер туда не доносит
Тяжелых орудий раскат.

Я, Тасенька, тоже пишу, но очень мало, так как развернуться в полном объеме сейчас нет возможности. Стихи мои остаются стихами комнатных слушателей и, в лучшем случае, друзей, таких, которые понимают меня душой. Но таких друзей очень мало. Надеюсь, что в тебе я найду именно такого друга, а потому не стесняюсь с тобой поделиться кое-чем. У меня есть цикл «Стихов о России», хотя по объему он небольшой. Вот одно из них, которое служит как бы вступлением к циклу:

Земля моя! Россия моя милая!
Как песня ты, чудесная моя.
Ты знаешь ли, с какой огромной силою
Люблю тебя, родимая земля.

Мечтами окрыленный и взволнованный
Просторы озираю я твои,
К тебе одной, к тебе одной прикованы
Все чувства сокровенные мои.

Былинами и песнями взлелеяна,
Ты в светлое грядущее глядишь
И, подвигами ратными овееана,
Звездой пятиконечною горишь.

Оплаканная горькими, обильными
Слезами своих вдов и матерей,
Стоишь ты, непокорная и сильная,
И ждешь своих далеких сыновей.

Идут они, суровые и верные,
И бьют твоих безжалостно врагов

За Вислой, за Карпатами и в Венгрии,
У северных полярных берегов.

Ты слышишь их, ты с ними крепко спаяна,
И в сердце ты у каждого из них.
Приказ вождя, приказ родного Сталина —
То твой приказ — священен он для них.

И тихими вечерними минутами
Мы слышим голос древнего Кремля.
Греми, Москва, победными салютами,
Ликуй, гордись, родимая земля!

Оно не лишено патриотизма. Патриотизм сквозит в каждом, но большинство же из них пронизано лирической и пейзажной грустью. Это и еще кое-что я уже читал на вечерах части, как 7 ноября, 19 ноября, 5 декабря. Конечно, были одобрения и пр. Я тебе пишу уже второе, хотя и не знаю, получила ли ты первое, посвященное тебе: «Забыв наши будни».

Вот пока и все о себе и о том, что я хотел сказать. Пиши, Тасенька, очень и очень жду. Возможно, что я твои письма в будущем буду получать с большой задержкой, но ты, несмотря ни на что, пиши, пиши и пиши.

С горячим приветом и пожеланием всего лучшего.

Привет Лиде Фирсовой, Т. Б.² и другим твоим подругам.

Толя.

¹ Источник цитаты установить не удалось; возможно, это автоцитация.

² Тамара Бесчастнова (см. примеч. 2 к письму 4).

Добрый день, Тасенька!

Прежде всего, поздравляю тебя с Новым годом с уверенностью, что ты получишь это письмо как раз вовремя. В Новый год всегда желают друг другу всего лучшего, того же и я желаю тебе. Я уже давно не получал от тебя писем и, вероятно, еще долго не буду получать их, так как им первое время придется проезжать мимо меня далеко на «S», а потом назад на место их назначения. Ты понимаешь, почему это так, так как, что я предвидел, уже свершилось. Совсем еще недавно был на колесах, а теперь снова нахожусь без движения. Наконец-таки я распрощался, и как будто бы навсегда, с безлюдными снежными просторами и с сопками и увидел то, что так давно хотелось увидеть отвыкшему взору. Здравствуй, родная русская земля с ее полями, лесами и деревнями! Центральная Россия! Какие радостные, сенсационные чувства!¹ Вот она, русская деревня, с бревенчатыми избами и с домиками, обшитыми тесом, с резными украшениями на окнах и с небольшими палисадниками под окнами. Соломенные и лучиночные крыши, покрытые снегом, ясными морозными ночами под месяцем отливаются голубым цветом, а тишина нарушается только пением девчат свое-

образных местных частушек да смехом. Какой контраст с твоей обстановкой! Живу в деревенской избе, чистой и уютной. В углу, как водится, шесть или семь икон, а на стенах старые фотокарточки с дореволюционными солдатами и вообще все то, что отражает давно прошедшую молодость хозяев. Сама хозяйка-старушка очень радушно и учтиво приняла нас, предоставила к нашим услугам целую комнату, но и мы, конечно, ничем не обижаем ее. Я знаю, что ты мне очень завидуешь, так как уже давно и, вероятно, еще надолго лишена видеть то, что сейчас перед моими глазами. Я бы мог описать тебе все более красочно и поэтично, но сейчас нет особого вдохновения. Я думаю, достаточно и этого для русского человека. Пускай эти мои строки еще больше разожгут в твоей душе горечь временного твоего отчуждения, тоску по Родине и воскресят в памяти забытое, дорогое.

Вот тебе еще одно стихотворение из «Стихов о России», датированное ранним числом, но по содержанию близкое с моим настоящим:

В седом тумане даль немая,
Угрюмый бор в глубоком сне,
Дорога длинная, прямая
И черный ворон на сосне.

Опять в пути молчаньем сонным
Меня встречает зимний день
Собачьим лаем отдаленным
Зарытых вьюгой деревень.

По сторонам уж лес редее,
Усталый взор чего-то ждет,
А впереди дымок синее,
Крутой дороги поворот.

А там мелькнут стога, овины
И, по-осеннему грустны,
Под чьим-то под окном рябины,
С томленьем ждущие весны.

Да на дороге у колодца
Два огонька девичьих глаз
Мелькнут, а сердце бьется, бьется –
Не в первый раз, не в первый раз.

Вот и все, кажется, вкратце я тебе написал о моей обстановке. Жизнь же не боевая, но ее в скором времени нужно ожидать. Может быть, еще придется побыть в твоих условиях, а пока живем настоящим.

Писем твоих, как и всегда, очень жду, а также жду «qsl» на это письмо.²

Еще раз желаю всего лучшего в твоей молодой жизни, а Новый год встретить лучше прежних.

С горячим приветом!

Лешка

Р. С. Передай от меня привет Лиде Фирсовой и Жене Ратьковскому, если пишешь ему, а я с ним связь потерял.

Толя.

¹ Часть, в которой служил А. Д. Алексеев, была передислоцирована в Ярославскую область, в село Пятовское. Здесь ожидалось новое назначение; шла учеба.

² На языке радистов означает «открытое письмо» (отправленное в знак подтверждения связи).

Добрый день, Тасенька!

Тася, я человек не обидчивый, но твоё столь продолжительное молчание заставляет меня немного обижаться. Я пишу тебе уже четвертое письмо, а от тебя все нет и нет. Неужели ты на что-нибудь сердилась или чем-либо недовольна? Не думаю, чтобы было так, а потому я все же уверен, что в скором времени ты откликнешься, к тому же я сейчас нахожусь намного ближе от тебя, чем раньше.

О моей жизни ты уже имеешь некоторое представление из предыдущих писем. Она все та же — жизнь не боевая или, как говорят, «на отдыхе», но в то же время идет повседневная подготовка к новым боям, занятия по технике, спецделу и пр. видам, вплоть до строевой. Не знаю, что будет меня ожидать в дальнейшем и где я буду находиться, но здесь пробуду еще с месяц, а то и больше. Впоследствии же буду, наверно, совсем недалеко от тебя. На новом месте устроился очень хорошо (с двумя товарищами). Старушка-хозяйка очень добрая и заботливая, как мамаша, и отвела нам целую комнату, а сама устроилась на кухне. У нее тоже сын на войне, и уже три года от него нет вестей. Она иногда всплывает при нас о нем, а мы, конечно, ее успокаиваем, хотя сами нисколько не верим в свои слова. Сижусь сейчас под образами, а в окне видны избы и сараи, заборы и плетни да широкая главная улица деревни. Времени свободного сейчас вполне достаточно, и проходит веселее прежнего. А главное — свобода, нет той казарменной обстановки, какая была раньше. Да, Тася, мы отвоевали и победили, сделав свое дело там, «наверху», и теперь ждем нового. Новое же нам должно показаться намного интереснее старого, хотя трудностей, как мне кажется, будет меньше. Впереди чужая земля, новые люди и еще более ожесточенный враг. Хочется, чтобы как можно скорее наступило это время.

Пиши, как ты встретила Новый год.

Я же его встретил очень хорошо. Был вечер части, на котором было много гражданского населения и на котором я читал из своих «Стихов о России». После вечера мы смотались к себе домой и в кругу семерых друзей — старых армейских товарищей — встретили Новый год по-семейному. Горючего было в достаточном количестве, и мы пили за все. Перед одним тостом я читал стихотворение другу С. И., который здесь же присутствовал. Вот небольшой отрывок из него:

... Выпьем, друг, за победу, конечно,
В ней и наша есть скромная часть.

Нам не раз еще вспомнить придется
Все пройденные нами пути.

Пей за тех, кто нас ждет — не дождется,
И за то, что нас ждет впереди.

Пей за то, что потеряно нами,
Пей за светлое будущих дней,
За подруг, что не с нами и с нами,
И за будущность наших друзей.

Нас война очень близко сроднила,
Ты всегда был душою со мной.
Пей за счастье, что нам изменило,
За сожженную юность войной... и т. д.

В общем, встречу нового, 45 г. есть чем вспомнить хорошим. Собрались ребята, все в основном москвичи и ленинградцы, с гитаркой, конечно. Недостаток был только в женском обществе, но здесь собрались все старые холостяки (вроде меня), которые не живут настоящим, а живут надеждами будущего и воспоминаниями прошедшего, а потому этого недостатка нисколько не ощущалось.

Вот и все пока о себе и о своей жизни. Желая тебе всего лучшего от всей души.

Очень жду твоих писем.

С приветом

Лешка

27

5 февраля 45

Дорогая Тася!

От тебя писем по-прежнему нет. Последнее получил короткое, написанное наспех, из которого видно, что жизнь твоя в корне изменилась, т. е. ты стала вроде как бы «помощником смерти». Я знаю, что этим осуществилось твое давнишнее стремление, и доволен за тебя, но сам же медицину почему-то недолюбиваю. Мне представляется, что ты постоянно занята ранеными или даже тяжелоранеными, с операциями и т. п. Я бы, наверно, на такой работе и дня не просидел. Ну, а в общем, кем бы ты ни работала — желаю во всем успеха. Но почему ты молчишь?! Неужели очень занята? Но может быть и так, что вообще отвыкла от писем. Ведь у меня тоже бывали такие периоды. И еще меня интересует: получаешь ли ты мои письма, и если получаешь, то еще раз прошу дать на них qsl (забыть не должна). Ну, а я все тот же, кем был, и им останусь до конца. Никаких помышлений смыться куда-нибудь сейчас не имею. Нахожусь все там же и в тех же условиях, о которых я тебе уже писал раньше (Русь, Русь — кругом Россия). Со времени завершения наших операций на «чердаке» уже прошел значительный срок, но мы почему-то по-прежнему продолжаем сидеть на месте и ждать у моря погоды.

Называется это «отдыхом», а на самом деле — занятия и занятия. Даже кажется странным — неужели на пятом году службы ничему не научился? Учиться, конечно, нужно все время, но только не толочь в ступе воду. Те-

перь занятия в основном кончены, и на днях были экзамены по всему. Я тебе еще раньше писал о разрядах, но тогда сдавать на них не было возможности, так как действовали. Теперь же оперработы никакой не ведем, а следовательно, и была развернута в этот период целая «академия». На экзаменах я прошел с треском и, как старый кадровый солдат, без труда сдал на первый.¹

Теперь перед нами стоит один вопрос: долго ли мы будем здесь околачиваться? Ведь сейчас идут такие бои! Такое наступление! А нас до сих пор продолжают держать в запасе. Ребята и то смеются: пока мы собираемся, наши уже будут в Берлине, а там и война кончится.

Война еще не кончена, и мы еще скажем свое слово, и эта уверенность крепнет с каждым днем, так как мы знаем свой вес, знаем, что в нас нуждаются все.

Дни проходят на занятиях и «дома». Свободного времени довольно много, но ничего хорошего сказать про него не могу. Читать почти нечего, да и вообще за последний период ничего не читал. Приходится больше обычного заниматься изучением «Краткого курса», да к тому же мне ввели партийную нагрузку руководителя партийной учебы. Вот здорово — в комиссары попал!²

¹ Т. е. на первый класс воинской специальности.

² Окончание письма отсутствует.

28

Здравствуй, Тася!

Во-первых, (для оправдания) скажу, что я последнее твое письмо получил от 17 декабря прошлого года, где ты сообщала, что стала «белохалатницей», что времени свободного почти нет, что в жизни перемены, и пр. Неужели ты можешь думать, что я столько времени ничего тебе не писал? Нет, я тебе писал вполне достаточно. И вот вчера я получил от тебя письмо (очень неожиданно), в котором первые строки были упреком на мое молчание и из которого я заключил, что ты тоже ничего-ничего давно от меня не получала. Удивительно, но это факт. А я тебе писал, много писал писем со стихами, так как ты меня когда-то просила, чтобы я тебе что-нибудь прислал своего. И я выполнял. Но от тебя писем не было. Тогда я стал это недовольство и удивление выражать в письмах. Ответа не следовало. Тогда я написал открытку (это было примерно два месяца назад), которая начиналась: «Еще одно последнее сказанье, и летопись окончена моя...» — и она действительно была последней. А дальше? — Дальше оставалось ждать и ждать, с каждым днем теряя веру. И я ее почти всю потерял, надеясь на что-нибудь случайное. И вот этим случайным послужило твое вчерашнее письмо. Может быть, ты опять от меня ничего не получишь. Но... причем же тут я? Я тебя мысленно и хоронил и не хоронил, а вернее, больше всего был уверен в переменах мест, адресов и пр. (это по поводу моих писем). А насчет твоих писем вопрос для меня так и остается загадочным, так как

мой адрес как был 28491, так им и остается (пока). Вот и все о нашем «молчании».

Теперь я тебя поздравляю (еще раз) с твоей новой специальностью и, хотя и поздно, с праздником 1-го мая.

А дальше о своей жизни. Нахожусь все там же, в России. Ничего не поделаешь — РГК.¹ Могу сообщить, что это пребывание, можно сказать, что уже кончилось. Сейчас переживаем то время, когда со дня на день ждем приказа, и он должен быть или же в конце апреля, или же в первых числах мая. Мы уже давно готовы. Нам уже очень надоело здесь. Перспективы, нужно сказать (по слухам), не блестящие. Германии, Австрии и юга нам не видать, а значит... — далеко-далеко. Ты догадываешься, куда, а у нас, «...как вспомнишь, так сердце болит».² Может быть, и повезет, но надежда на это выражается в 95—98 %. Вопрос этот — ближайших дней.

Живу все так же неплохо. Свободного времени порядочно. Хочется работать и давать настоящую пользу. Пользуясь обстановкой, выпускаем рукописный литературный журнал «Наши дни», куда помещаются и мои стихи. Кстати, я главарь всего этого, да, — такая натура. Чем черт не шутит, может быть, это мой будущий хлеб.

Еще сообщу замечательное для меня: я был в отпуску дома. 5 дней был возле родителей. Ты понимаешь, какие после этого впечатления. Замечательный Ленинград — он почти такой же, каким был до войны, а следы блокады и стертые, и замаскированы. Родители выглядят хорошо и живут замечательно. Дорвался до театров (ведь я всегда мечтал об этом). Жаль только, что мало было времени, да и оно пролетело очень быстро. В Александринке смотрел «Дворянское гнездо» и «Таланты и поклонники», в Мариинке — балет «Спящая красавица» и в Малом — «Риголетто». В оперетту, признаться, не рвался, хотя и были билеты на «Фиалку Монмартра». Я знаю, что все, и ты, наверно, в том числе, любят оперетту, но у меня обратное.

Эх, родная!.. Я верю (и нельзя теперь не верить), что все скоро полетит к черту, но для меня дом будет не намного ближе.

Ну ладно... Писать буду после праздников.

А может быть, и возобновится наша переписка.

Я не верю, что у тебя нет своей фотографии. Ведь около двух лет...

Теперь ты, наверно, не сердись на меня. И не сердись. Я следую правилу: «Друга помнят всюду» (заглавие повести, написанной моим товарищем и помещенной в нашем журнале).

Я сам не брошу писать.

Пишу по новому адресу, а старому больше не верю, нужно было его раньше сообщить.

Лешка

25—IV—45 Яр-ль

¹ Резерв Главного Командования.

² Слова из песни «Раскинулось море широко» (текст: Г. Зубарев, музыка: А. Гурилев):

Не слышно на палубе песен,
И Красное море шумит,
А берег суровый и тесен, —
Как вспомнишь, так сердце болит.

Дорогая Тасенька!

Я еще не получил от тебя ответа на мое последнее письмо. А может быть, и получу — чем черт не шутит! Да, я за последнее время совсем перестал верить в продолжение нашей переписки. Неужели это говорит за то, что я скоро забываю старых друзей? Конечно, нет. Я тебе писал в достаточном количестве, не получая ответа, и сейчас делаю то же самое.

Очень плохо представляю твою жизнь и где ты сейчас находишься. Мне кажется, что ты в Венгрии, но где? Во всяком случае, ты во многом счастливее меня. Мне там никогда не бывать. И это становится яснее с каждым днем. Ты многое видела за эту войну, а что видел я? — Ничего! Пребывание на Ленинградском фронте было непродолжительным, затем хмурое Заполярье и Карелия, а потом... потом центральная часть России — длительное пребывание в РКК. О дальнейшем не спрашивай.

Ясно, что война кончается (если уже не кончилась), настроение должно быть радостное, взволнованное, но это еще не все. А следовательно, нам (мне) торопиться домой еще рано. По всей вероятности, скоро придется петь «Страшно вокруг, и ветер на сопках рыдает...».¹ Это будет длительный и нежелательный путь. Неудивительно, что еще два года придется пробыть «под ружьем».

Ну, а сейчас продолжаем ждать приказа. Живу хорошо, свободного времени много. Погодка теплая и сухая. На деревьях набухают почки. Говорят, что в этом году весна поздняя и не бурная. Крестьяне чинят изгороди и копают огороды, а вчера в первый раз по старым традициям (второй день «Пасхи») выгнали коров в поле. Вот она, Русь со всеми ее обычаями и законами!

Днем у нас идут «занятия», которые нужны только для того, чтобы убить время, вечером резня в волейбол. Потом звонкие песни деревенских девчат, гармошка, танцы. Нет, я еще не привык к этому, хотя и русский. Мне нравится деревня с соломенными и черепичными крышами, с длинной широкой улицей, но все это уже очень надоело. Пройдет время, и, я уверен, что настоящее наше пребывание будет навевать приятные воспоминания... И все-таки я городской человек. Там моя и будет последняя пристань.

О себе пока все.

Пиши, очень жду!

С приветом

Толя

¹ Слова из широко известного вальса нач. XX в. «На сопках Маньчжурии» (автор И. А. Шатров).

7 июля 45 года

Здравствуй, дорогая Тасенька!

Я не надеялся получить от тебя письма. Ведь эта прелесть бывает один раз в два-три месяца. Значит, ты жива! Я тоже жив и здоров. Конец войны встретил в центральной России, но с тех пор прошло уже порядочно времени, восторги и радости улеглись, а в жизни произошли очень большие изменения. Судьба распорядилась по-иному. Мечтал о скором возвращении домой, но теперь об этом не думаю, так как внушил себе, что это будет не скоро. Я очень и очень далеко от тебя, там, куда сейчас приковано все внимание Родины. Местность для меня непривычная, погода жаркая с частыми обильными дождями. Вспомни книгу Арсеньева «Дерсу Узала», и ты будешь иметь кой-какое представление.

Живу пока в большом бараке, шумном и многолюдном. Много в жизни не по вкусу, но успокаиваешь себя тем, что все это временно. Ежедневно 12 ч. занятий, а на личное время выпадает 1 час. Нужно как можно в короткий срок перейти работать на новые объекты, а для этого нужно отвыкнуть от старого и изучить 56 иероглифов. Поэтому свободного времени нет. Домой написал только одно письмо, и то по-суворовски — «жив, здоров, служу». Не думай, что я молчу умышленно. Вот и все вкратце о себе.

Не знаю, получишь ли ты мое письмо. Может быть, ты к этому времени будешь уже дома. На всякий случай сообщаю тебе домашний адрес. Когда-нибудь по старой памяти завернешь ко мне, если будешь в Ленинграде. Мой адрес: Финский переулок, д. 10, кв. 55. Вот тогда поговорим обо всем, что нельзя сделать в письмах. В шесть часов после войны это сделать не пришлось, но лучше поздно, чем никогда. Мне же пиши по старому адресу: 28491. Пиши, что тебя ожидает в будущем, вышла ли замуж, а если нет, то когда собираешься? (Прости за нескромность и не обижайся.)

Сегодня с обеда занятий нет — суббота. Завтра как будто бы тоже ничего не предвидится. Значит, есть время заняться письмами. Скулит баян вальс «На сопках...», а вокруг декоративно выступают сине-зеленые сопки. И музыка, и обстановка дополняют друг друга. «Передо мной на столике угрюмом лежит письмо, что мне прислала мать».¹ Она мне пишет, что ждет моего скорого возвращения домой. Она думает, что, если война кончилась, значит, я сразу должен вернуться домой, но она еще не знает, где я и что Европой все дело не кончено. Пишет, что в Ленинграде при вузах открылись подготовительные курсы для окончивших 10-тилетку. Я все-таки буду учиться дальше, хотя время уже упущено.

Желаю всего лучшего!

Пиши. Самый большой привет!

Толя.

¹ Цитата из стихотворения С. Есенина «Письмо от матери» (<1924>).

Здравствуй, Тасенька!

Я рад, что узнал от тебя о твоём возвращении домой. Больше ничего не знаю о тебе. Так, голубушка, не делают. Я думал, что из дома ты будешь писать чаще, а оказывается, наоборот. Нет, я не обижаюсь, потому что я не имею на это права.

Сегодня получил обратно свое письмо, адресованное на твой старый адрес. Неприятно получать такие письма: от них веет холодом, осенью.

Да, у нас тоже сейчас осень, но какая-то непонятная, чужая, нерусская. Я очень люблю нашу осень, когда

Отсырел осинник,
Желтизну роня,
На болотах топких
Порыжела даль.
Небо завернулось
Без конца, без края
В мутную, седую
Дождевую шаль.

Просыпались гуси
По утрам белесым,
Улетали гуси
До другой весны,
Вечерами рано
Над притихшим лесом
Ветреные зори
Навевали сны...

Это мои попытки создать что-нибудь похожее, понятное, близкое.

А тебе писать есть о чем. Как тебя встретила родная сторона, какие впечатления после долгой разлуки с родными и знакомыми, какие воспоминания о золотом прошлом, как проходит время, что думаешь о будущем — да мало ли еще о чем. Впрочем, я тебе уже давал совет насчет твоего будущего. Ты меня спрашивала, и я тебе посоветовал все же избрать литфак. Ты, наверно, не получила этого письма. В дополнение могу дать еще один совет: выйти замуж за такого человека, который бы полностью соответствовал тебе, и чтобы это было безошибочно, на всю жизнь. Девушкам твоего возраста такие советы полезны. Если я запоздал с этим советом, то прости.

Я твердо решил поступать в Университет на литфак и никуда больше. Отец и мать во всем поддерживают, а насчет матер. обеспеч. и говорить не приходится. Если удастся поступить, а впоследствии и кончить, то педагогом собираюсь не быть. Дорогу себе найду.

Живу сравнительно неплохо, нахожусь на старом месте. Сейчас у нас только и разговоры — это о демобилизации или, как мы называем, свирепствует «демобилизационная болезнь». Да, домой чертовски хочется! Давно уже пора. Только на днях началась демобилизация из части старших возрастов. В первых числах октября поедут домой девчата. Последний указ Верховного совета меня не затронул. Так что моя очередь далека. Я думаю, что раньше июня—июля 1946 г. домой не вернусь, а поэтому чемоданного настроения нет.

Будни однообразны. Свободное время есть, но заняться нечем. В части иногда бывает кино, иногда хожу в кино в город, но почти всегда строим. За всю службу это святое место ко мне не привилось, а поэтому всегда стараешься его избежать.

В одном из писем ты меня спрашивала (это было давно): почему я так изменился, почему письма мои стали другими. Не знаю, как ответить на этот вопрос. По-моему, ничего нового в наших отношениях не произошло. Да и вообще наши отношения обыкновенные — отношения старых товарищей. Может быть, они были бы лучше, если бы мы не знали друг друга когда-то.

Спасибо за фотографию. Тася, ты все такая же, если не лучше. Не вижу твоих глаз, а это основное. Может быть, увижу их не на фотографии, а живьем когда-нибудь. А?

Желаю всего лучшего, дорогая!
Привет!

Лешка
29 сентября 45

32

15 октября 45

Добрый день, Тасенька!
Привет с края Земли!

Я так и не получил от тебя ни одного письма с тех пор, как получил известие, что ты дома. А срок прошел немалый. Что с тобой? Наверно, новая жизнь и обстановка не располагают к нашей переписке. И все же хотелось бы знать: почему?

О себе писать много не буду. Нахожусь пока на старом месте. Жизнь без приключений. В недалеком будущем снова на колеса, в путь, но только не к дому, а дальше, на юг, в чужую страну. Возможно, что на продолжительное время потеряю со всеми связь до установления нового адреса. И все же предстоящей перемене очень рад. Когда отсюда выберусь и когда вообще вернусь домой, не знаю. Да, я теперь надолго покинул надежды скорого возвращения домой.

В конце июля с. г. я тебе посылал письмо, которое ты не получила. Сегодня я снова посылаю его, хотя теперь оно не имеет ценности как письмо, зато тогда, накануне войны, оно было своевременным. Для меня же оно дорого как дневниковая память. Вот оно:

Подруга, родная! Я снова
Немного тебе написал,
Но прозой сегодня ни слова:
Стихи для меня — идеал.

Поэты немногим желанны,
Но ты не осудишь меня,
Тебе не покажется странным
Размеренных строк болтовня.

О всем бы сказал понемногу,
Но временем я не богат.
Судьба проводила в дорогу,
Признаться, не очень был рад.

Ну что ж, я привык, не скучаю,
Солдатскую лямку тяну,
Домой не спешу, так как знаю,
Что снова попал на войну.

Порой вспоминаю, конечно,
Но так, с холодком, невзначай
Те дни, что летели беспечно,
С сиренью под окнами май.

Цветы те увяли, а краски
Размыты осенним дождем,
Чужие случайные ласки
Не держатся в сердце моем.

Пусть тянутся дни без участия,
Пусть сердце лелеют мечты,
Я верю в грядущее счастье
И верю не меньше, чем ты.

Быть может, в том счастье, как в песне,
Другие услышу слова,
Другая улыбка воскреснет,
Другая прольется молва.

Безумная мысль, не пора ли,
Как старый орган, замолчать!
Под вечер на шумном вокзале
Другого ты будешь встречать.

Как радостно сердце забьется
В дождливый сентябрьский мрак!..
Прости, я немного отвлекся —
Шумит многолюдный барак.

За окнами — утро, как бисер,
Рассыпало в сопках росу,
Но скоро лазурные выси
Растопят дневную красу.

У сопки гнездятся землянки,
А рядом в дорожной пыли
Проходят орудия, танки,
Что с боем по Западу шли.

Об этих далеких границах
Какой неуютный рассказ!
И только товарищей лица
Уносят суровость из глаз.

Ты видишь иные картины,
Ты слышишь нерусский язык,
Быть может, за шелест осины
Сменяла б весь западный шик,

Все эти прически и моды,
Цветы аккуратных полей
За русскую дикость природы,
За поздний отлет журавлей.

Обуленной, странной, неясной
Европа прошла пред тобой,
Но годы прошли не напрасно,
Твоей я доволен судьбой.

Гордись, что ты русской душою
Смотрела на все свысока.
О, если бы шел я с тобою,
Я был бы поэт, а пока...

Нам всем эти свойственны речи,
Везде хорошо, где нас нет.
Прощай, дорогая, до встречи,
Прими мой горячий привет.

Все же письма твои жду.

Лешка

33

20 октября 45

Здравствуй, дорогая Тасенька!

Сегодня и я могу сказать облегченно: наконец-то получил от тебя письмо.

В первых строках поздравляю с праздником XXVIII-ой годовщины Октября и, если мое письмо не опоздает, то желаю встретить как можно лучше, чтобы ничего похожего не было на военные встречи. Это, конечно, так и будет. Мне в этот день исполнится 23 года. Не хочется об этом думать. Другое дело, если бы исполнилось 17 или 18. Как пройдет этот день — трудно сказать.

Вторая половина октября, а деревья едва начинают желтеть. Созрел кедр, порыжели сопки. Осень сухая и ветреная. «Демобилизационная болезнь» успокоилась до нового приступа.

О моей жизни я тебе уже много писал, и в основном уже о всем написано. На старом месте доживаю последние дни — вся задержка в подвижном составе. Ожидается лучшая жизнь, но представляется смутно.

Значит, ты в педагогическом и, наверно, на литфаке. Ну что ж, я приветствую и завидую тебе, хотя педагогический уклон меня не интересует. Я уверен, что в недалеком будущем мне придется взяться за книги, пока же время проходит бесполезно. Если бы были учебники, то частично можно было заняться, так как есть условия. И об этом я уже писал не раз.

Не называй меня пессимистом. Я уже отхожу от него и даже постараюсь подтвердить Музой.

Над Приморьем ветер носится.
Буйный ветер рвется в грудь.
С ветром в сердце песня просится –
Провожай, родная, в путь.

Мы с тобой Россию меряли,
Песня, молодость моя:
Ленинград, снега Кареллин,
Уссурийские края.

Был у стен родного города
Окрещен солдат свинцом
И в когтях костлявых голода
Слыл по роте храбрецом.

Шел солдат по сопкам Севера,
Дни и ночи длился бой.
Сердце знало, сердце верило,
Что останется живой.

Под Харбином в утро раннее,
Припадая на гранит,
Потерял солдат сознание,
Трижды пулями прошит.

Где ж ты, песня? Кто осмелится
В этот трудный час помочь?
Песня здесь, травую стелется,
Смерть от друга гонит прочь.

Что, солдат, тоскуешь, лечишься?
Видно, время вспоминать,
Как Нева с луною плещется,
Как заждалась сына мать.

Снова с ветром в сердце просится
Песен свежая струя.
К берегам Невы уносится
Песня — молодость твоя.

Это не о себе, а что-то подобное. Если бы я был прошит пулями, то, вероятно, полностью подошло ко мне.

Еще раз благодарю за приглашение в гости. Все это будет, но будет не скоро.

Читая твои письма, я себя спрашиваю: была ли ты солдатом? А если была, то почему ты нравственно не искалечена, как многие девушки, прошедшие твой путь? Отрадно, что ты не принадлежишь к числу большинства. Значит, ты не такая, как многие.

Спасибо за небольшие новости. Я очень удивился «подвигом». Не ожидал. Жду от тебя других новостей о школьных товарищах, да не мешало бы побольше откровенности о себе.

Привет и самые лучшие пожелания!

Пиши.

Лешка

23 ноября 1945

Поздравляю с Новым годом!
Здравствуй, дорогая Тасенька!

Добрался до своего нового месторасположения. Ой, как я далеко, а если посмотреть на карту, то глазам не веришь. С дороги я писал тебе одно письмо, но, возможно, ты его не получишь. Разбегаются мысли, не знаю, о чем писать и с чего начать. Странного, интересного накопилось очень много. Восточная полудикая краса, которая останется в памяти на всю жизнь. Смуглая, улыбающаяся Корея намного опаснее и враждебнее Маньчжурии. Население внешне приветливое, вежливое, чисто и красиво одето. Женщины все вещи и посуду носят только на голове. Иная больше пуда не сет — хоть бы что и головой вертит, как ни в чем не бывало. Погода теплая, ясная... Ходим в гимнастерках. Многие деревья стоят с сочной зеленью, а в огородах неубранные овощи. Расположились в богатой японской даче. В общем, неплохая жизнь. Всех подробностей не опишешь. А все-таки, несмотря на кратковременное пребывание в чужих пределах, ощущается недостаток русского, и о доме, о родине мысли самые теплые. Знать, у русских у всех на чужбине так. Письма твои по адресу 28491 получу, но позже. Теперь пиши по новому адресу: Пол. почта 12803. Жду новостей о старых товарищах и о тебе в особенности. Мне кажется, у тебя сейчас должна быть интересная, веселая жизнь. Ведь студенческий период — это лучший период жизни! Солдатская шинель и погоны все дальше и дальше отводят от меня задуманное. Терпеливо жду. Привет друзьям! Желаю всего лучшего во всем.

Лешка

10 декабря 45

Добрый день, Тасенька!
Привет с края Земли!

Письмо получишь уже в Новом, 1946 году. Мои поздравления, наверно, не запоздали, и наверно, встретила его так, как я желал. Через 20 дней и мне придется встречать его в необычных, неприветливых условиях. Вообще с 1941 г. этот праздник только наводил воспоминания о добром старом времени, а теперь особенно — на чужбине. Одно это слово уже говорит все. Меня поймет только тот, кто испытал подобное, а я еще только-только начинаю в полной мере чувствовать, что значит быть в чужих пределах и так далеко. Ты мне уже неоднократно писала об этом, и я не стану повторять — у всех русских чувства и переживания близки друг к другу. Я уже писал, где и как я расположился. Все очень хорошо. С севера почти вплотную к дому примыкают высокие горы, поросшие невысоким сосняком, с юга, востока и запада распростерся внизу город К. Постройки почти ничего не имеют общего с нашими. Кругом живут корейцы, русского языка ни-

кто не знает, и объясняться приходится большей частью знаками. Сейчас Корея бедна, а Маньчжурию по сравнению с ней можно назвать «золотым дном». Там было все очень дешево, здесь же цены жутко возросли. Вся суть в том, что мы находимся не на оккупированной территории в полном смысле, а на территории дружественной нам страны.¹ Следовательно, и поведение нашего брата уже введено в положенные рамки.

Климат удивительный. Днем ходим без шинелей, а ночи очень холодные и морозные. Снегу еще и в глаза не видел и, наверно, не увижу. Местное население ходит тоже по-летнему, а женщины вообще не носят головных уборов. Я еще ни разу не видел, чтобы кореянка несла что-нибудь в руках — обязательно на голове, а за спиной ребенок. Вот пока и все о том, что меня окружает. Можно многое еще описать, но лучше обо всем сказано в литературе.

Все данные говорят, что домой возвращаться нескоро. Так диктует обстановка, так нужно Родине. Теперь я стал равнодушен ко всему, не рвусь, как прежде. Служба вырывает из-под ног почву, мечты о будущем постепенно гаснут. Таковы перспективы.

О тебе ничего не знаю. Жду писем по новому адресу и, возможно, скоро получу старые. Регулярная переписка между нами так и не установилась, а последние письма носят хроникальный характер, мало имеющий общего с прежними. Я сам теряю нить, а потому часто пишешь не так, как бы хотелось. Что будет дальше? Неужели по наклонной? И все это оттого, что письма у нас — редкие гости. Признайся, ты тоже иногда так думаешь. Не теряю надежды когда-нибудь встретиться с тобой. Встреча будет радостной, но, возможно, будут и разочарования. Я часто вспоминаю и думаю о тебе, и дальше мысли останавливаются, кончаются. Если кто из ребят прочтет на конверте твой адресат (а многие его замечают уже на протяжении более двух лет), то обязательно у него по лицу проскользнет с соответствующим намеком улыбка. Делаешь серьезный, непринужденный вид, а потом резкое «отстань», в душе чему-то улыбаясь. Конечно, так и нужно делать.

Да пиши же о новостях!
Всего лучшего, старая подруга!

Лешка

¹ Напомним предысторию. В результате русско-японской войны в 1905 г. Япония установила протекторат над Кореей, а в 1910 г. аннексировала ее. В 1918—1922 гг. предприняла интервенцию на Дальнем Востоке России, но потерпела поражение. В 1931 г. вторглась в Китай и оккупировала Маньчжурию, создав марионеточное государство Маньчжоу-Го, которое стало плацдармом для военных действий против СССР и Монголии (бои на границах у озера Хасан, 1938 г.; у р. Халкин-Гол, 1939 г. и др.), а также самого Китая (захват северных провинций внутреннего Китая).

Во второй мировой войне Япония выступила как союзник Германии и Италии, сосредоточив военные действия на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана (к весне 1942 г. захватила Малайю, Бирму, о-ва Индонезии и Филиппины, крупнейшие английские военно-морские базы — Сингапур и Гонконг). 7 дек. 1941 г. японская авиация нанесла удар по главной военно-морской базе США Перл-Харбор (Гавайские о-ва). В результате в мае—июне 1942 г. была создана антифашистская коалиция (СССР, Англия, США).

Учитывая возможность нападения Японии, СССР в течение всей войны держал на дальневосточных границах до 47 дивизий и 50 бригад, сковывая Квантунскую армию и оказывая

поддержку Китаю. Выполняя союзнические обязательства (по антифашистской коалиции), 9 авг. 1945 г. СССР вступил в войну с Японией. Были освобождены: Северо-Восточный Китай, Северная Корея, Южный Сахалин, Курильские о-ва. 2 сент. 1945 г. правительство Японии подписало акт о безоговорочной капитуляции. В октябре 1956 г. правительство СССР и правительство Японии подписали Совместную декларацию о прекращении между СССР и Японией состояния войны.

Описания Кореи, содержащиеся в публикуемых письмах, относятся к первым послевоенным месяцам.

36

10 января 46

Здравствуй, Тасенька!

Письма получаю очень редко. Такого периода в моей армейской жизни никогда не было. Какой громадный путь приходится пройти редким и долгожданным вестникам с родины! А от тебя они особенно редки. Почти четыре месяца ни слова. И, несмотря на нашу отдаленность, трудность доставки, все же 50% вины возлагаю на тебя. У тебя теперь другие мысли, другая обстановка, другая жизнь. Вполне понятно, что они уже утратили свое прежнее значение, отчасти стали лишними, ненужными. Но я мирюсь и ко всему привыкаю. Мне не раз уже приходилось слышать от многих, а также и от матери, что студенческий период — самый лучший период в жизни, несмотря на все присущие ему трудности и лишения. У матери, например, о нем остались самые светлые воспоминания. У меня же его, по видимому, не будет. Вот она, настоящая солдатская юность! О ней тоже останутся неизгладимые воспоминания, но в однообразных серых тонах. А потом жизнь повернет другую сторону медали, о которой представления пока еще смутные.

Нахожусь на старом месте в <...>* Новый год встретил не по-армейски, хотя и в армейской обстановке. На столе было все, начиная с яблоков и кончая сури. Не хватало только русского воздуха и русской обстановки.

«Голубая дремотная Азия!»¹ — в полном смысле. Здесь поживешь еще годик — совсем одичаешь, а корейские и японские физиономии, моды и обычаи, казавшиеся столь странными вначале, теперь надоели и опротивели.

Русской девушки здесь не увидишь, а если и встретишь нечто подобное, то, как правило, — офицерская жена (и они сюда дотянулись). Среди корянок, как редкость, но есть такие, что... Жаль, я плохой ценитель, а потому помолчу насчет этого.

Наступили морозы, по сравнению с русскими мизерные, но все же холодно, особенно при частых западных и северных ветрах. Снег выпадает в небольшом количестве и долго не держится. В нашем картонном домике поставили временку — это по-русски. В городе на нашего брата наложен карантин ввиду свирепствующей эпидемии брюшного и сыпного тифа, от которого корейцы мрут, как мухи! Поэтому хождения по городу и прочим местам строго ограничены комендантом. Пока и все о своей жизни.

* Вычеркнуто цензурой.

Больше, кажется, и нечего писать. Я уже писал, что потерял ту нить, которая определяла наши отношения. И все это из-за редких твоих писем. Может быть, в твоей жизни произошли большие перемены (а если еще не произошли, то они произойдут в ближайшем будущем), поэтому вполне возможно, что вся эта писанина не по моменту. Я знаю, что на дружбу это ничуть не повлияет, но все же уже не то. Об этом я уже давно хочу от тебя узнать, хотя бы намеком, а продолжительные молчания ничего не доказывают.

Прости за резкие, а может быть, и грубые мысли.

Желаю всего лучшего во всем!

Письма можешь писать по двум адресам: п. п. 12803 и п. п. 28491, по последнему даже лучше. Жду!

Лешка

¹ Неточно цитированная строка из стихотворения С. Есенина «Да! Теперь решено. Без возврата...» (1922). Правильно: «Золотая дремотная Азия...».

37

12 февраля 1946

Здравствуй, дорогая Тася!

<...> Твое описание студенческой жизни меня интересует, и даже больше. Во всем я вижу свое будущее, и как бы ни была продолжительна моя служба, я буду жить надеждой, и эта надежда превратится в действительность. Я доволен, что ты в «своей тарелке», любишь свое дело и не жалеешь о медицине. Ведь я же тебе сразу дал правильное направление, потому что судил по себе.

Ты, наверно, на меня в обиде за прошлое письмо. Если так, то все это ни к чему. Ты должна понять, что я прав, потому что всегда понимала меня. Пускай я не знаю жизни, но зато я ее понимаю и всегда расцениваю здраво.

Спасибо о новостях насчет школьных товарищей. Знаешь, для меня они остались только памятью, и не больше. Все они прошли стороной, и если когда встретимся, то только случайно, а может быть, и вовсе не узнаем друг друга. Если еще кого-нибудь встретишь или будешь писать, то напомни обо мне приветом, и особенно хотелось бы Л. Фирсовой и Сергею Разгулову. Они одни, наверно, меня и помнят, а остальные — забыли. Все, что осталось у меня от Спинова, от школы, сосредоточено в тебе одной. Этим я доволен, и этого вполне достаточно.

В последнем письме ты упоминала о какой-то «смуглой и улыбающейся». Ты ошибаешься, Тася. Во-первых, это не так привлекательно (в общем), а во-вторых, ее вообще у меня нет, а если бы и была, то, конечно, ей бы пришлось уступить «бледной и суровой». Ты не представляешь, как надоели их лица, язык, обычаи и с каким бы удовольствием я променял все настоящее на простое, понятное, в другое время незамечаемое, но зато близкое, русское. В этих случаях я всегда согласен переходить на язык бо-

лее выразительный, на язык поэзии. Пусть эти строки относятся в основном к матери, а если к матери, то и к родине. Недаром понятие родина-мать неразделимо. Девушкам обычно принято писать стихи иного, более мягкого, романсного содержания, но у меня этот период прошел, да тебе, пожалуй, они ни к чему. Ты и без них меня достаточно знаешь.

Это одно из последних, не из ярких, но все же...

Над смуглой улыбкой Кореи,
Напомнив иную весну,
Неласково солнце согреет,
В глазах кореянки блеснув.

Красой полудикой Востока
Чарует ночами луна,
Но мысль об отчизне далекой
Все так же светла и ясна.

А там еще космы седые,
Злорадствуя, кружит метель,
И слушает чутко Россия
Сквозь вопли и стоны глухие
Ручьями звенящий апрель.

Там мать вспоминает о сыне:
«Когда ж он вернется домой?».
А сын далеко на чужбине
Надолго заброшен войной.

Вскрывая от сына конверты,
Ты знаешь, родная, сама,
Какою любовью согреты
Короткие строки письма.

Под смуглой улыбкой Кореи
Он, в сердце скрывая недуг,
Мечтает вернуться скорее
Под космы рыдающих вьюг,

Ему теперь трижды дороже
Березовой рощи покой.
О, мама, он сердцем все тот же,
Намного старше, быть может, —
Ну что ж, значит, возраст такой.

Когда будешь смотреть карту мира, то найди в Корее город Канко¹ — там я и нахожусь сейчас.

Жду более частых писем.

Еще прошу, пришли, если есть, современное свое фото.

Всего лучшего, дорогая
Привет!

Лешка

¹ Правильно: Канге. Город в северной части Кореи.

Здравствуй, Тасенька!
Самый теплый привет с Кореи!

«Большая» почта к нам приходит не чаще двух раз в месяц, а «большой» мы называем ту, которая приходит из центр. России. Ждал, ждал и не дождался. Решил написать.

Начну с обычного — с природы. В Корее уже давно весна. Ясные дни стоят почти постоянно. Горы, покрытые сосняком, как будто молодеют, на деревьях набухают почки, и если бы не частые западные и северные ветры, то давно бы уже можно загорать. Вспомни конец апреля и начало мая в России, и ты почти полностью представишь окружающее меня. Днем шнель уже не нужна, но зато ночью с удовольствием бы одел шубу.

Живу неплохо и, конечно, лучше всех солдат, находящихся в гарнизоне. Преимущества нашей группы в том, что мы живем в особняке, никакой власти над собой, кроме своего нач-ка, не знаем и, кроме своего дела, тоже ничего не знаем. А оно все то же, без каких-либо изменений с переходом на мирные условия: отработал 4—8 ч. на «утюге» (пеленгаторе)¹ и остальное время свободен. А если помотришь кругом — мороз пробегает по коже. Там казармы, подъемы, отбои, строевые и боевые учения и с утра до вечера гремят походные песни. Но, несмотря ни на какие выгоды, ни на что не хочется смотреть. Мысль о том, что где-то есть дом, что там тебя ждут, что где-то люди живут по-настоящему, — неотступно идет за тобой, постоянно не дает покою. Я даже мысленно уже прикинул, где будет стоять мой стол и обязательно рядом — кровать и книги. Тебе, наверно, смешно?

Все ждали, что после выборов старых вояк начнут отпускать, но эта надежда не оправдалась и после 23 февраля. Теперь с такой же надеждой они ждут 1 сессии — 11 марта, которая, вероятно, издаст закон о демобилизации.² Я знаю, что я в следующую очередь не попаду, но все же с уходом старших мой срок значительно приблизится. Черт возьми! Ведь осталось не больше года, а он покажется за целых три. И в основном все это из-за того, что нахожусь не на своей земле.

Музу забросил, хотя и не совсем, но, думаю, надолго. Пускай здесь будут золотые горы, красочная природа, разноцветные яркие шелка корейнок — все равно уже не взять тех оптимистических тонов, которые звучали еще совсем недавно. А затрагивать грусть, тоску по родине — старо. Вот так и сидишь в бездействии, ожидая лучших дней.

Кажется, стал совсем умницей, так как почти прекратил употреблять иностранные напитки. Все-таки не хочется под конец службы идти в царство теней или же, в лучшем случае, остаться калекой физически и нравственно. А многие из нашего брата до этого уже дошли ввиду того, что оное зелье попадалось отравленным.

Читать, конечно, нечего. В эти дни с удовольствием бы готовился к экзаменам, читал, но кругом пустота и беззаботные хлопцы. Я прошу тебя, чтобы ты мне вкратце описала порядок экзаменов в институт, какие предметы спрашивают, на какие вопросы обращают внимание. Я знаю, что ты не сдавала экзаменов, но все же что-нибудь должна знать в этой области. И еще хочу спросить как бывшего представителя медицины: почему у меня и

у большинства ребят с приездом в этот чудесный и в то же время распрямленный климат одолевают фурункулы и атеромы (по-вашему), в основном на шее. Мне кажется, что я с ними уже разделался, но не исключена возможность, что они появятся снова. На днях мне вырезали один экземпляр на задней поверхности шеи в поликлинике. Раз упомянул о ней, то расскажу об одном незначительном факте. Там есть сестра — точная твоя копия. Да, не удивляйся — это действительно так. Несмотря на то что я тебя не видел с незапамятных времен, а также не видел в медицинской форме, — и все же ты именно такая. Разница, может быть, в том, что у ней голос низковат и за мое двукратное пребывание она ни разу не улыбнулась. Это меня удивило. Ты, по-моему, улыбаешься чаще. Мой взор привлекли ее спокойные, точные, без ничего лишнего движения во время операции, когда она подавала разными щипцами и пинцетами инструменты и пр. ерунду. О знакомстве никакой речи не может быть, но тебя она напонила мгновенно. Потом я вспомнил, что ты теперь не в белом халате, а студентка литфака (что в несколько раз лучше), и ушел с надеждой вновь не посещать это заведение.

Ох, эти письма! Трудно сесть писать, а начнешь, не остановишься. Наболтал много всего, а дельного ни слова. Я думаю, что после таких писем ты вообще мне кончишь писать. После армии, я уверен, что буду не таким, а пока в моих условиях все позволительно.

Скоро будет «большая» почта.

Жду твоего письма.

Если есть фото не армейского периода (а оно должно быть), — пришли. Очень прошу.

Желаю всего лучшего во всем.

Пиши чаще

Лешка

2 марта 1946 г.

¹ Пеленгатор — прибор для определения углового направления на объект (цель). Составная часть пеленгаторной станции. Радиопеленгатор позволяет определять направление на излучающие источники (объекты) путем приема их сигналов антеннами (Советская военная энциклопедия. М., 1978. Т. 6. С. 255).

² Имеются в виду выборы в Верховный Совет СССР второго созыва, которые состоялись 10 февр. 1946 г. Первая Сессия заседания Верховного Совета относится к началу марта 1946 г.

Демобилизация после окончания Великой Отечественной войны началась 5 июля 1945 г. и в основном закончилась к нач. 1948 г.

25 апреля 1946

Здравствуй, Тасенька!

Дорогая, давно не писал тебе. Прости! Твои письма тоже редки, и, может быть, это снимет с меня часть вины. Только вчера получил письмо от 30—3—46. Что с тобой? Твоя болезнь (не удивляйся!) меня обеспокоила. По-видимому, она была продолжительной и серьезной. Теперь, когда ты

получишь это письмо, мне хочется верить, что все прошло, все хорошо. Как здоровый желаю здоровья, так как знаю, и самому приходилось хворать не раз. А тебе особенно желаю всего лучшего.

Да, я не посвященный в эти дела, но все же хотелось бы увидеть выписку из «Евгения Онегина» по этому поводу. Кстати, он у меня под рукой. Я просмотрел почти всего и особенно где он, отвергнутый Татьяной, заболел все тем же тbc¹ и нашел только:

Бледнеть Онегин начинает:
Ей иль не видно, иль не жаль;
Онегин сохнет, и едва ль
Уж не чахоткою страдает.

Если именно эти строки ты имела в виду, то я не знаю, как их понимать: то ли у тебя действительно тbc — что не может быть, то ли твое положение сходно с положением Е., кое-что я понимаю в Татьяне и Евгении. Но в этом, мне кажется, мало вероятного. А вообще я о тебе очень мало знаю, да мне и не положено знать больше, несмотря на то что мы переписываемся почти 3 года. Ведь мы же только друзья. Знаю то, что ты еще (пока) не замужем, но и это в наши дни стало до некоторой степени формальностью. Не обижайся, я не отношу эту «формальность» к тебе, я говорю о большинстве, а ты как простая смертная часть этого большинства. Почему-то я незримо вижу в тебе черты тургеневских героинь, и, наверно, я не ошибаюсь. Короче говоря, я как в темном лесу, и разгадка подобных вещей для меня не лучше разгадки местных иероглифов.

Живу по-старому, неплохо. Набираюсь терпения тянуть солдатскую лямку еще самое малое год. Все та же свобода и безделие окружают меня, и если бы не погоны, то была бы почти гражданская жизнь. Весна в этом году поздняя, и только недавно отошла пора цветения. Какая была красота! Здесь все деревья (кроме хвойных) цветут белыми, розовыми, сиреневыми цветами. Ни одно дерево мне неизвестно, а от корейцев не добьешься их названий. Да и откуда же мне, северянину, знать здешнюю растительность? Я только любовался да вспоминал нашу черемуху, которой здесь нет. Представь еще синее небо, отдаленную гладь залива и горы тоже синие — и ты бы поняла, вернее, представила мою обстановку. Не стану повторяться — она мне не нравится, я ее не люблю. Дни стоят жаркие. Ребята от нечего делать обзавелись хозяйством. Развели кроликов, настроили будок, но через два месяца их расплодилось столько, что не сосчитать. Чтобы самим их не кормить, распустили их без всякого присмотра по двору, и вот уже несколько суток бегают они, как собаки или кошки, того и гляди, что попадут под ноги. Но и этого развлечения оказалось недостаточно. Нашлись другие любители — голубятники. Это занятие намного интересней. И каких только пород голубей у нас нет! Посмотрела бы ты как 20—25-летние «ребятишки» ежедневно гоняют голубей. Сначала казалось смешным, но теперь стало обычным. А в основном жизнь без каких-либо изменений. С заграничной жизнью вполне освоились.

Последнее твое письмо особенно нравится, несмотря на то что в нем сквозит хандра и до этого неслыханная от тебя грусть. Не знаю, почему, но после него ты мне стала понятней, показалась иной (в лучшую сторону). А все-таки мы далеки друг от друга, не только территориально, а вообще...

Спасибо за отзыв о моем призвании! Подобное я слышал уже от многих — пророчат многое, но мне кажется, да так и на самом деле: я еще слаб, и мне нужно много работать над собой, а главное, учиться. «Небольшую ухватистую силу»² я в себе уже чувствую. Время и работа, может быть, дадут когда-нибудь себя знать. Ты просишь, чтобы я писал тебе что-нибудь из нового и старого. Что ж, я не откажу тебе в этом, только я не знаю, с чего начать. Не считая раннего, довоенного, мои вирши можно разбить на несколько категорий-циклов, а именно: 1) «Солдатская юность» — большей частью дневниковые стихи из армейской жизни; 2) «Стихи о России»; 3) «Осенняя любовь» — это самый обширный незавершаемый отдел лирики, пессимистический в большинстве и подчас несвоевременный. Он тоже характерен как дневник, но и отвлеченного в нем больше, чем достаточно, и др. Вообще-то у меня все — лирика, и сам себя я уже отнес к числу чистых лириков (не смейся, что я говорю сейчас как настоящий поэт). Сегодня я тебе посылаю стих. «Сестре», так как ты недавно была оной. Оно не из последних, тема избитая, но в свое время о нем я получил отзыв неплохой. Конечно, жду и твоего откровенного отзыва.

СЕСТРЕ

Ты мне раньше никогда не снилась,
Мне во сне другие снились лица,
Никогда с тобой не приходилось
Под луной к реке уединиться.

Каждый день в палату утром рано
Ты входила и садилась рядом,
У солдата заживали раны
Под твоим спокойным, светлым взглядом.

И мои дышали раны зноем,
По ночам мерещились сраженья,
Города и переправы с боем,
Смерть друзей в порыве наступленья.

Заживали раны. Дни летели.
Сила жизни смерть переборолла:
Воин встал в обветренной шинели,
Чтобы снова в бой идти сурово.

Расставаясь, помню, говорила:
«В благодарность ничего не надо.
Я тебя, как брата, полюбила,
Я сама — солдат из Ленинграда.

Я сама в бою у переправы
Четырех... вот этими руками...
Город наш, ты знаешь, — город славы...
Эта слава неразрывно с нами»...

Я уехал. Где она? — Не знаю.
Сопки, тишь, далекая граница.
Писем жду, но нет, не получаю,
Лишь ночами образ ее снится.

Спасибо, дорогая, за карточку — получил. Представлял тебя не такой, а оказалось лучше. Смотрю на тебя, а в голове: «Эх, старушка!..». В общем, рано ты себя зачислила в этот штат. Я не спорю, что наша весна прошла незамеченной. Факт тот, что она прошла, и теперь лето.

Наверно знаешь, что Есенин в «Анне Снегиной» писал по этому поводу:

Есть что-то прекрасное в лете,
А с летом прекрасное в нас.

По-моему, этих слов достаточно для рецензии. Они честны.

Свое фото пришлю обязательно. На днях пойду в фотографию и постараюсь выполнить твою просьбу как можно быстрее.

Еще раз желаю всего лучшего и здоровья!
С горячим приветом!

Лешка

Привет Л. Фирсовой и старым знакомым.

¹ Туберкулез.

² Цитата из поэмы С. Есенина «Черный человек» (1925).

3 июня 1946

Здравствуй, дорогая Тасенька!

Вот и все. Пишу тебе уже с родной земли. Итак, мое путешествие через всю Маньчжурию и Корею закончилось. Добираться приходилось поездом и на машинах. Долгое время приходилось ехать по берегу Японского моря, сотня тоннелей осталась позади. Затем на машинах по крутым перевалам над отвесными скалами, над синим-синим, лежащим в штале морем. Какая была красота! А я мысленно с ней прощался и, по-видимому, навсегда. Потом гос. граница и места уже ушедших в бытность хасанских боев. Видел высоты Заозерную и Безымянную, кругом еще не стертые временем следы боев (окопы, траншеи, рвы), а рядом с ними беспорядочно разбросанные памятники братских могил. Хотя меня все время и тянуло в Россию, но когда пришло время расставаться с Кореей, признаться, не очень хотелось. Как-никак, а все же привык. И вот теперь я в старой обстановке, среди старых товарищей, но зато уже нет той свободы, какая была там. Теперь казарменная жизнь, распорядок дня и пр. неприятности нашей жизни. Об этом даже не хочется писать, хотя меня — старика — это касается поверхностно. В скором времени привыкну ко всему. Настроение отвратительное, главным образом оттого, что на днях увольняются домой ребята моего призыва (1921 г.), а мой возраст под указ не подошел, отрубили у самого носа. «Ну, ладно, довольно стонов...».¹

Пишем от тебя уже давно не получал и, наверно, нескоро получу. Пиши мне теперь по адресу: пол. почта 28491. Хотел послать тебе это письмо на домашний адрес, но забыл его, а потому пишу по-старому. Думаю, что ты

это письмо не получишь, да и предыдущие, наверно, тоже не получила. Если получила мою фотографию, то сообщи.

О себе пока все. Пиши.

Желаю всего лучшего! Как твое здоровье?
С приветом

Лешка

¹ Цитата из поэмы С. Есенина «Анна Снегина» (1925).

41

10 июня 46

Здравствуй, Тасенька!

Пишу тебе с родной земли. Погода стоит жаркая, дуют сильные теплые ветры. Вот уже вторую неделю я валяюсь в сочных приморских травах, смотрю на лиловые спины сопок и ни о чем не думаю. Настроение так себе, а безразличен стал ко всему до крайности. Причин этому много, а основная, конечно, заключается в отсрочке моего возвращения домой. О недавней прошлой жизни, которая оставила неизгладимые впечатления, не жалею, тем более не жалею сейчас...

Не жалею, не зову, не плачу.
Все пройдет, как с белых яблонь дым...

(С. Е.)

Писем твоих не получаю. Да разве могут они за мной угнаться. О тебе ничего не знаю. Пишу по старой традиции и подчас не отдаю себе отчета: нужно ли это делать, и зачем все это я делаю. Да, теперь уж не то время... или «я знаю, Вы не та...». Может быть, мои письма уже давно стали неуместными до смешного, а я до сих пор не знаю этого. Да и в самом деле, кого могут интересовать мои странствования, стремления, настроения и т. д. Вот потому иногда сядешь писать письмо, задумаешь написать много, подробно, но раздумаешь и бросишь. Не знаю, как это назвать, только это хуже всех скук вместе взятых. Почти что так и сейчас. Ты понимаешь, что я хочу этим сказать? — Как-никак, а все-таки узы или нити, связывающие нас (хотя и письменно), слишком слабы. Дружба в письмах, в словах на бумаге — бумага. Неужели и здесь я не прав? Ой, опять ты меня не поймешь или поймешь неправильно, как когда-то (помнишь: «в письмах люди не те»). Пойми, что исполнять роль семнадцатилетнего и сознавать, что это нелепость, — не умею, не могу.

Ну, ладно, продолжаю о своей жизни, но уже не о настоящей, а о будущей, которая начнется с завтрашнего дня. Завтра я уезжаю, вернее, уплываю в... Порт-Артур. Не успел окончить одно путешествие, как начинается другое. Хотя и поздно, но все же пожелай мне счастливого пути. С одной стороны, я рад этому, потому что впереди непостоянство, новизна, город русской славы; с другой — снова чужбина, удаление от дома дальше прежнего, а следовательно, и нескорое возвращение домой.

Ну что ж, мне терять нечего. Чем сидеть на месте до срока демобилизации, лучше побывать там, где, может быть, никогда быть не придется, тем более, что меня, кроме матери, никто не ждет.

Теперь у меня опять новый адрес: полевая почта 31984 «в». Пиши, получила ли мое фото. Следующее письмо напишу с П.-А.

Желаю здоровья, отдохнуть как можно лучше и вообще желаю всего лучшего!

Лешка

42

19 июня 46

Здравствуй, Тасенька!

Получаешь ли ты мои письма? Я от тебя, конечно, не получаю, так как все еще нахожусь в дороге. И опять предо мной старый вопрос: прав ли я, что пишу тебе? Ведь со времени получения твоего последнего письма прошло почти 3 месяца...

Итак, я в дороге. Поездка моя началась неудачно, так как по вине вышших опоздали на пароход (со мной едет еще 5 человек), и сейчас околачиваюсь во Владивостоке. Приходится ждать следующий пароход на П.-А., а это продлится еще не менее пяти дней. Днем стоит сильная жара, вечера тихие, теплые, лунные. Беззаботная, праздная жизнь. Город расположен на возвышенностях, многолюдный, шумный, как и все портовые города. Вечерами улицы утопают в электр. свете, полны моряками, портовыми девушками и прочей гуляющей публикой. Каждый день хожу в кино, был в цирке, а в садах на эстрадах играют духовые оркестры, танцы. Картины смотрел в большинстве старые, а из новых больше всего понравилась «Беспокойное хозяйство» (Целиковская, Жаров, Граве). Днем часто купаемся в море и катаемся на яликах. В конце концов надоело все, и только рвешься как можно скорее выбраться из этого гнезда. Куда еще меня несет нелегкая? Люди теперь продвигаются ближе к дому, а я — наоборот. Что еще меня ждет? А ждет, по-видимому, много интересного. Знаю, что это время пройдет не бесполезно, но почему-то жаль его. Зато каким будет для меня позднее возвращение домой! Жалко мать, которая устала ждать и для которой, пожалуй, в жизни не может быть большей радости, чем мое возвращение.

Ну, а ты как живешь? Как проводишь время? Думаю, очень хорошо. Если так, то желаю, чтобы было все время так.

Сейчас я сижу в порту, полусонный от жары, немного читаю и ни о чем не думаю. Следующее письмо напишу, когда достигну своего нового места. Пиши мне по адресу: полевая почта 31984 «в». Пиши!

Большой привет!

Лешка

Здравствуй, Тася!

Я жив, но о тебе у меня уже сложилось впечатление, как об умершей. Несколько месяцев от тебя ни одного письма. Может быть, в этом виновата почта, но если она ни при чем, то скажи прямо: в чем дело? Мне кажется, что уже прошло то время, когда письма в нашей жизни были как бы потребностью, «лучами света», но теперь они, скорее всего, только наводят тень. Для меня же они остаются прежними, близкими, какими были раньше, но твое молчание заставляет подумать о другом. Ты извини меня за последние письма с подобными вступлениями, потому что я не могу быть в курсе твоих мыслей и жизни, а также пойми, что я не банный лист.

Может быть, больше и не стоило бы писать, но, поверь, что мне не хочется ставить крест на нашу переписку, а, наверно, придется, так как я писать больше не буду до тех пор, пока не получу от тебя письма.

Ты знаешь, где я нахожусь, — опять на краю Земли и так далеко от дома, что даже страшно посмотреть на карту. Думы о доме успокоились, а сам вошел в стадию окаменения. Не понимаешь? А понять нетрудно: возвращение домой, как видно, нескоро, живу только сегодняшним днем, а надежды, которые вынашивал годами, почти исчезли. Так было бы и есть с любым на моем положении.

Мне это писать сейчас не к лицу, но это останется между нами. Ведь я теперь наружно стал другим, не тем, кем был раньше. Во-первых, я тебе уже писал, — парторг первичной организации — политический воспитатель и организатор масс. И не верится, что это определение относится ко мне. Впрочем, в основном я с этим делом уже освоился, немного привык к работе, а работы порядочно, так как ни замполита, ни высшей организации у нас здесь нет — выше только политотдел, который только требует. Вот уже седьмые сутки я сижу на семинаре парторгов, а домой возвращаюсь только по вечерам. Но это еще не все. Дома — старшина подразделения, должность которого тебе давно известна как собачья должность. Короче говоря, достается мне сейчас больше, чем когда-либо.¹ В большинстве случаев приходится расплываться по мелочам. Ну ладно, об этом хватит, а то скажешь, что расплакался.

Перехожу на более легкий жанр. Теперь я не «северянин», а «южанин». Жара в А-ре стоит невыносимая, но, говорят, в августе будет еще жарче. Хорошо бы сейчас побыть в Заполярье, а на зиму сюда. Ночи тоже жаркие, душные и черные-черные. Город нравится. Чтобы покупать в магазинах и заходить в кабаре, нужно иметь в карманах порядочно юаней и долларов, так что солдату особенно не разбежаться. Персики, абрикосы, яблок на каждом углу сколько угодно — это дешево.

Ты, наверно, читала А. Степанова «Порт-Артур».² Мне еще не пришлось прочитать полностью, но из отрывков читал много и сейчас читаю. Как хорошо читать эти отрывки, находясь в Старом городе, и видеть в окна форты, Золотую гору, Электрический утес слева, а с другой стороны дома виднеется Перепелиная гора с возвышающимся «Символом самурайского

духа». В прошлое воскресенье ходил на экскурсию по историческим местам и в музей. Много можно бы об этом написать, но всего в письмах все равно не опишешь. Часто купаюсь на море. Был уже несколько раз в Дальнем — красавец, свободный международный порт.³ Тут тоже много интересного, но ты уже видела чужие города Запада, имеешь представление, а он от них почти ничем не отличается.

Кончаю. Думаю и почему-то уверен, что скоро получу от тебя письмо. А может быть, и нет.

Желаю здоровья и всего лучшего — во всем!
Самый сердечный привет!

А. Алексеев

¹ Эта должность в армии требует хозяйственного навыка, командирской воли среди своих же солдат, что очень трудно психологически. Не представляю его в этой роли (*примеч. Т. В. Жаровой*).

² Степанов А. Н. Порт-Артур. Краснодар, 1940—1941. Кн. 1—2. Знаменитый роман об обороне Порт-Артура, в которой автор сам подростком принимал участие. В 1946 г. роман был удостоен Сталинской премии.

³ Люйшунь (Порт-Артур) — до кон. XIX в. небольшое селение в Китае на Ляодунском п-ове в бухте Желтого моря. В 80-х гг. XIX в. китайское правительство стало осуществлять фортификационные работы с целью превращения его в военно-морскую крепость. Потерпев поражение в японско-китайской войне 1894—1895 гг., Китай вынужден был уступить Японии Ляодунский п-ов с Порт-Артуром. В результате совместного выступления России, Германии и Франции в кон. 1895 г. Порт-Артур был возвращен Китаю. По конвенции с Китаем (май 1898 г.) Россия получила в аренду Порт-Артур и порт Дальний (Дайрен) сроком на 25 лет. После поражения в войне с Японией 1904—1905 гг. по Портсмутскому мирному договору арендные права на Порт-Артур были уступлены Россией Японии. По истечении их срока японское правительство отказалось возвратить город Китаю. В период японской оккупации (1905—1945) Порт-Артур служил плацдармом для агрессии Японии против Китая. Был освобожден советскими войсками в авг. 1945 г. Тогда же СССР и Китай договорились о совместном использовании Порт-Артура в качестве военно-морской базы (*Советская военная энциклопедия. М., 1978. Т. 6. С. 458*).

Здравствуй, Тасенька!

Наконец-то дождался от тебя открытки. Это удовольствие бывает очень редко, так как письма сюда приходят не чаще одного раза в месяц. Вся надежда у нас на пароходы и, в меньшей мере, на самолеты.

Определение «путешественник» ко мне подходит. Разница только в том, что путешественники — люди свободные, а я, можно сказать, путешественник поневоле. Как-никак, а домой все-таки тянет. Давно бы уж пора все эти путешествия кончить и пуститься в последний путь — к дому. А это пока не предвидится.

О своей жизни я уж писал — все по-старому. Свободного времени нет, а голова постоянно забита различными делами и делишками. Прошла лучшая половина лета, а я ее тоже не заметил. Август предвидится жарким,

сентябрь немного прохладнее. Гимнастерка в нашей жизни стала обузой, так как если в ней ходить днем, то постоянно будешь мокрым. Каждый день вижу море, часто купаюсь. Крутом горы и зелень, куда ни пойдешь, на любой улице и в любом количестве яблоки, персики, абрикосы, груши, арбузы, виноград и пр. «Путешествовать» здесь, конечно, можно и, пожалуй, многие бы согласились со мной поменяться. Есть и отрицательные стороны в настоящей нашей жизни, а именно — японский энцефалит — смертельная болезнь от укусов комаров, которая почти неизлечима. Такие случаи уже есть, так что «тот свет» здесь не за горами. Вторым недостатком является зверская жара, от которой трудно спастись и трудно переносить северянам. Но я все-таки к ней привык. А третий недостаток — особенная скука и отсутствие многого в молодой жизни. Литература теперь стала для меня редким явлением, так как читать, что хочешь и что необходимо, нет, а зачастую и не до этого. Вот так и потеряешь истинный путь навсегда, а до этого, мне кажется, недалеко. На столе старое: Маяковский, Симонов, Твардовский и, сравнительно недавнее (для меня), — Борис Пастернак. Мне он нравится — сильный, талантливый мастер. А ты что скажешь о нем, ученый человек?

Поздравляю тебя с завершением сессии и, наверно, блестящей! Знаешь, я отвык писать длинные письма — исписался. Не кажется ли тебе, что люди, которые пишут длинные письма, — болтуны. Мне не верится, что и я принадлежу к этой категории. Я пришел к выводу, что быть таким, каким я был год, два и даже три назад, теперь не идет. Ты тоже теперь другая — более обогащенная знаниями и жизненным опытом. Потому-то я и спрашивал, прав ли я, что пишу тебе. Ведь я что? — Как был, так и есть непутевый.

Но а писем твоих жду. Писать тебе на домашний адрес не буду, так как к тому времени, когда ты получишь это письмо, ты будешь опять находиться на старом месте, учиться.

Ну, вот и все.

Желаю здоровья и всего лучшего!
С сердечным квантунским приветом!

Лешка

45

19 августа 1946

Привет из города русской славы!
Здравствуй, Тасенька!

Недавно тебе писал, но сегодня получил еще одно письмо от тебя, то, которое ты так не хотела, чтобы вернулось назад. Я тоже очень рад, что получил его.

Сегодня у меня весь день хорошее настроение, чем не всегда могу похвастать. С утра уехал на пляж. Как хорошо! На море почти штиль, а вода чистая, чистая. Потом поехал с ребятами на Перепелиную гору, на которой

возвышается «Символ самурайского духа» — колонна высотой в 66 м, построенная японцами в честь победы в 1905 г. Забирался на самую вершину, как на Исаакий. Потом плывал с китайцем на джонке через залив смотреть памятник у входа в бухту, который поставлен японскому подполковнику, затопившему у входа в бухту свой корабль. Памятник представляет из себя возвышение из гранита, на котором установлен якорь с «Петропавловска». Много еще...*

...повышение в рангах. Ему подходит быть военным человеком, а вот мне нет. Мне как-то раз майор сказал: «Ты сугубо гражданский человек», — и он прав. Ну, а о бывшей Тамаре Б. и не знаю, что и сказать, а лучше ничего не говорить. Даже незачем было бы с ней обо мне вспоминать — все умерло.

Война в наши жизни внесла очень большие изменения. Разве я, видевший когда-то только Ленинград и Спирово, мог мечтать, что через каких-нибудь три-четыре года придется побывать в снежных сопках, а затем на сопках Маньчжурии, прожить полгода в Корее и, наконец, Порт-Артур. То же самое и с тобой. Разве ты представляла когда-нибудь европейские города и столицы такими, какими они предстали перед тобой? Конечно, нет. Да мало ли еще «что день грядущий нам готовит». Я вот только не понимаю, почему тебе «обидно за всех нас». Каждый человек по-разному смотрит и реагирует на жизнь, у каждого свои пути-дороги...**

...Ты права, что у каждого или у каждой должно быть «что-то свое», но не у всех это «свое» находится. Вот ты нашла его, а твои подруги З. К.,¹ Т. Б. и многие другие не нашли, да и не искали. Но я тебя теперь очень хорошо понимаю, хотя раньше понимал немного иначе.

По этим вопросам я говорю только с тобой и не знаю, как благодарить тебя за отзывчивость и понимание. Не знаю, чем кончатся эти наши разговоры, но, мне кажется, они бесполезны, хотя и останутся только разговорами. По этому поводу я бы мог вылить все свои взгляды, но не буду, так как они аналогичны твоим в большинстве. Я не собираюсь быть тебе наставником, так как не считаю себя старше, но совет мой тебе таков: свое-то своим, а на одном «своем» далеко не уедешь. А впрочем, «живи, как ты живешь»... — тебе виднее. Кончаю... Опять начал привыкать к длинным письмам.

Сейчас ребята включили приемник и нашли арию Лизы из «Пиковой дамы», я ее очень люблю, но им не понравилось, и они настроились на хор им. Пятницкого. Он голосит, а им весело. И тут тоже у каждого «свое».

Пиши обо всем. Теперь с письмами наладилось, и ни одно назад не вернется.

Лешка

¹ Крахмальникова Зина. Она приехала в Спирово позднее, кажется, из Москвы. О ее дальнейшей судьбе мне ничего не известно (*примеч. Т. В. Жаровой*).

* Далее фрагмент текста утрачен.

** То же.

29 августа 1946

Привет из города русской славы!
Тасенька, здравствуй!

Начал получать твои письма — значит, догоняют. Большинство из последних писем я писал тебе на калининский адрес, когда ты находилась дома. Ответь, получила ли ты их? Я живу без изменений. Путешествие мое, конечно, давно кончилось, и я крепко сел на мель, а когда сойду с нее — неизвестно. Мне было сюда легко попасть, но нелегко отсюда выбраться. Сейчас у вас уже, наверно, первые ознобы осени, а я по-прежнему продолжаю печься и ждать от неба милосердия. Почернел, похудел, зачерствел — все, что хочешь. И состарился, конечно. Думаю, что скоро будет попохладней. А свободного времени у меня нет ни минуты. За этот период пришлось изведать столько, сколько за всю армию не приходилось. Раньше я жил на всем готовом и заботился только о себе, а теперь забота о себе на втором плане, а на первом — люди. Не думай, что я хорошо воспринял все навыки командира. Нет, я по-прежнему с «сугубо гражданскими» наклонностями, а если сейчас и приходится вникать во все отрасли военной жизни, то это только потому, что мы далеко от «бати» и живем самостоятельно. К тому же теперь не военное время, порядки другие, а налаживать эти порядки что-нибудь да значит. Все это скучная и однообразная проза. А поэзии, Тасенька, нет и не предвидится. А скучна жизнь без поэзии, не правда ли? Читаю мало, да и то урывками. Самым лучшим желанием у меня остается, конечно, скорое и благополучное возвращение домой. А как ждут дома! Прожито и пережито уже порядочно, а жизни не было. Она, настоящая, только в воображении — далекая, далекая, но все же замечательная. Еще придется много поработать, много учиться, чтобы стать человеком. Я люблю искусство всей душой, ради него готов преодолевать любые трудности, идти на любые лишения, жертвовать всем. А сейчас что? — не в своей тарелке, солдат... и больше ничего не скажешь. Конечно, это тоже жизнь, но жизнь механическая, неодушевленная, а значит, неинтересная. К тому же жизнь без любви — тоже не жизнь. Неужели ты не согласна со мной? В твоём настоящем не может быть ничего подобного. Ты напрасно думаешь, что я не понимаю тебя в письмах. Пожалуй, никто тебя так не понимает, как я (а если и понимают, то очень и очень немногие). Если ты еще не нашла своего счастья, то оно близко, и ты знаешь к нему путь. Я бы не сказал, что наши взгляды стали иными, как ты пишешь. Откуда ты это взяла? Почему тебе кажутся мои письма письмами принуждения и привычки? Нет, я их пишу с большим желанием, с интересом. Сегодня хотел написать что-то особенное, а получилась, как видишь, одна ерунда. И так бывает часто. Пойми еще и то, что я до сих пор, садясь писать тебе письмо, думаю, в каком стиле его вести. В основном я его уже выработал, но не зыбкий ли он? Ведь с нашими, хотя и «хорошими», отношениями все же придерживаться его подчас нелегко. Главное — это не переборщить, а следовательно, держать себя в определенных рамках. Эти рамки когда-то уже были тобой очерчены. Я точно не помню, но что-то вроде: «Не будь таким, как все, пошлые. Ты не такой...» и т. п. С тех пор я и придерживаюсь их, не желая

попасть в число «всех», в число «опасных» (мое), но от этого я ничуть не стал лучше. Раньше я не верил, что в нашем возрасте может существовать дружба без примесей, наподобие дружбы брата и сестры, но со временем убедился (и то не совсем), что такая дружба может быть только в письмах, хотя в ее прочности я не уверен. Мне почему-то кажется, что если бы мы попытались ее иметь такой не в письмах, а в повседневной, реальной жизни, то я больше чем уверен, что ее уже давно бы не существовало. Ведь мы же только говорим, пишем, подчас довольно откровенно, а на деле эти хорошие письма впоследствии оставят только хорошие воспоминания. Не иллюзия ли это? Потому, может быть, тебе они и кажутся привычными, принужденными...

Поняла ли ты все, что я высказал? Уверен, что поняла. А это не всегда удастся высказать. Не считай сегодняшнее за нравоучения, за агитацию. В агитаторы я вообще не гожусь.

Если по прочтении письма будешь метать гром и молнию, то присылай их мне. Разубеди меня, если я в чем не прав, только вряд ли это удастся. Мне кажется, что мои убеждения за годы нашей переписки вполне сложились. Извини, Тасенька, если я груб в чем-нибудь. Я вообще стал намного грубее, чем был раньше.

Кончаю. Желая всего лучшего во всем, а главное, здоровья! А я сейчас хромаю. Какие-то тропические язвы появились на ногах, которые долго не заживают. Насчет болезней здесь, пожалуй, самое богатое место на земле, и в основном все смертельные.

Пиши. Очень жду.

Лешка

47

23 сентября 1946

Привет из города русской славы!
Здравствуй, Тасенька!

Что ты давно не пишешь? Может быть, в этом моя вина, так скажи. Я за собой ничего не чувствую.

У нас украинские ночи, возможно, такие же, какие ты мне описывала. И сейчас ночь. В природе тихо, и только радио и радиолы на судах и в домах напоминают о жизни, и неплохой для некоторых.

Моя жизнь — по-старому, без изменений. Это тоже неплохая жизнь, если ее сравнивать с обычной армейской жизнью. О ней я тебе уже много писал. Город живет все той же суетливой, торгашеской жизнью. 20-го ездил в Дайрен. Сколько там всего замечательного! Здесь есть все, но большинство не по солдатскому карману. Особенно японской «любви» много. Извини за откровенность, но без этого нельзя дать полной характеристики настоящего капиталистического города, к тому же международного, где Азия и Европа так искусно переплелись, что между ними никакой грани не отличишь. В письме все достопримечательности не опишешь, но вспомнить и поговорить впоследствии будет о чем.

Сегодня ездил за город на русское кладбище 1905 г. Вернулся к вечеру. Впечатление замечательное, но настроение после этой экскурсии неважное. Это первая экскурсия из всех, оставившая такой след. И не только у меня. Пахнуло далеким героическим русским. Солдаты — отцы и деды — вы здесь. Ваши потомки тоже пришли сюда — отомстить за вас и почтить вашу память. Такие мысли у меня и сейчас, неотвязные, в голове. Стоило ли вообще сейчас садиться писать письмо?

Правда, при возвращении домой немного «развеселила» сценка: офицер, не замечая нас, почти на середине затихшей и обезлюдевшей улицы с увлечением целовал девушку. Кто в этом понимал, тот сразу определил, что это была настоящая любовь — русская, без всяких примесей. Я очень жалею, что наши «остряки» прервали их обычными солдатскими «шутками». Вообще-то хороший материал для легкого жанра, конечно, без концовки.

Ты скажешь: какую я пишу ерунду! Что ж — может быть. Ничего, скоро кончу. Что-то сейчас голова ничего не соображает.

Наверно, я заболел, вернее, простудился. Тело ломает, сонливость и жар. А состояние усталое и приятное. Как медик определил: конечно, грипп. Опять пишу ерунду.

Под конец сообщу новость и, по-моему, не ерундовскую, но не столь уж удивительную, как она мне показалась. Фаинка Ратьковская — вышла замуж за ст. лейт., которому 30 лет. Она к нам заходила часто и раньше, а теперь заходит с мужем. Моим он нравится. А я никак не могу ее представить взрослой, в моих глазах она все та же стрекоза, какой была в Спирове. Вот как растут люди! Каким же я кажусь себе старым после этого известия! Не жениться ли и мне сдуру? (не по ее адресу). А ты как? Наверно, то же самое и давненько? Опять нескромность, нетактичность...

В заключение скажу, что, несмотря на здешние условия, природу и т. п., домой тянет и учиться тянет. Кажется, что вся жизнь пройдет здесь. Легко я сюда попал и с желанием, которое и сейчас не отрицаю, но вырваться отсюда нелегко, да и удастся ли вообще.

Пиши чаще! Очень жду.

Желаю здоровья и всего лучшего!

Лешка

Здравствуй, Тасенька!

Прости, что долго не писал — ждал, когда же придет от тебя письмо. И вот получил. Поздравляю тебя от всей души с III курсом. Завидую тебе, черт возьми. А меня зря поздравляешь. В моих делах привлекательно-го нет ничего, да к тому же я не карьерист. Впрочем, теперь мне стало намного легче, потому что на днях старшинство подразделения сдал. Сразу гора с плеч. Теперь я только парторг и руководитель политзанятий

и партшколы. От этих занятий больше пользы, да и свободного времени больше.

Живу по-старому, сравнительно неплохо, а главное то, что расписание дня и устав внутренней службы ко мне почти не относятся. Жизнь, как гражданская — иди, куда хочешь, и делай, что хочешь. Но идти некуда и делать почти нечего. (Я говорю не об армейской жизни.) Как будто бы крылья подрезаны. Ведь здесь же Китай — здесь все не то, что дома. Может быть, сессия чем-нибудь обрадует, но верится с трудом, до безразличия. Я уже внушил себе, что такое существование будет тянуться до бесконечности или, вернее, до конца. А об учебе будущей опять старые мысли. С 7 ноября ведь мне пойдет 25-й. Так обстоят дела в общем.

А в частности неплохо. Во всяком случае, лучше, чем когда бы то ни было. Чувствуется осень. Дни ясные, свежие, а иногда дождливые и ветреные. Днем еще ходим без рубашек, а вечерами приходится одевать шинель. Пожелтели только кустарники, а другие деревья по-прежнему стоят зелеными.

13/X организовали экскурсию на машинах по всем историческим местам. Маршрут начали с Перепелиной горы, затем гора Высокая, затем Электрический утес, Исторический музей, форт № 1, форт № 2, где погиб генерал Кондратенко¹ и где ему японцы поставили памятник, затем «Большое Орлиное гнездо», батарея литер «Б» и под конец побывали на русском военном кладбище. Настроение было замечательное, не как в прошлый раз. На эту экскурсию ушел целый день. Сколько можно бы рассказать обо всем интересного, но в письме это будет неинтересным. Завтра утром еду в Дайрен (Дальний) — погулять, «развеять тоску и сон».

Вот, Тасенька, и все о себе. Жду твоих писем, а с ними, возможно, и гнев по поводу моих последних посланий.

Желаю успеха!

P. S. Ты мне как-то раз писала о фильме «Балерина».² После того письма я ее смотрел уже 2 раза. Замечательная вещь! Я вообще балет очень люблю, но еще больше людей, которые ради искусства жертвуют личной жизнью («Для Варсавиной ничего не существует, кроме музыки и балета» — слова Гибсона). Иностранные фильмы характерны легким и пустым содержанием, но «Леди Гамильтон»³ и «Балерину» с другими нельзя равнять.

Лешка

¹ *Кондратенко Роман Исидорович* (30.09(12.10).1857—2(15).12.1904) — генерал-лейтенант. Вдохновитель и организатор обороны Порт-Артура. Погиб при артобстреле форта № 2. Похоронен в Петербурге в Александро-Невской лавре.

² Оригинальное название фильма «Мужчина в ее жизни» («The Men in Her Life»). Снят по роману Э. Смит «Балерина» (отсюда — название фильма в советском прокате). В основе сюжета — судьба знаменитой русской балерины Т. П. Карсавиной (главная героиня романа — Лина Варсавина). Режиссер Г. Ретофф; в ролях Л. Янг, К. Вейд, Д. Джагер, Е. Леонтович, О. Крюгер, А. Тодд и др. США, 1941.

³ «Леди Гамильтон» («That Hamilton Woman»). Режиссер: А. Корда. Сценарий: В. Рич, Д. С. Шерифф. В ролях: В. Ли, Л. Оливье, Т. Купер и др. США, 1941.

22 ноября 1946

Здравствуй, Тасенька!

Ты права, что написала мне последнее письмо на армейский адрес. Пока еще я нахожусь на старом месте, собираюсь в далекий путь. По всем данным, мое пребывание здесь осталось очень непродолжительным — уже не неделями, а днями. Думаю, что и в пароходах задержки не будет. Хорошо бы к Новому году добраться до дому, только вряд ли это сбудется.

Итак, я уже считаю, что армейский период моей жизни кончился. Спасибо за искренние пожелания в будущей жизни. Может быть, они сбудутся. Не думай, что перемена в моей жизни отразится на отношения к старым друзьям и, в частности, к тебе. Я останусь тем же, каким был на всем протяжении нашей длительной переписки. Я очень благодарен тебе за все эти письма, сопровождавшие и навещавшие меня повсюду теплом дружбы и взаимопонимания. Я их ценил и ценю не только как моральную поддержку, как дружбу, но еще больше буду ценить как память.

По всей вероятности, это мое письмо тоже последнее. Теперь напишу из дома.

Вот и все, что я хотел сказать напоследок.

Домашний адрес я, кажется, тебе уже сообщал (Финский пер., д. 10, кв. 70).

Думаю, что когда-нибудь встретимся.

Желаю всего лучшего и здоровья!

Прости, что мало написал — и настроение не соответствует, да и писать не о чем.

Лешка

28 января 47

Здравствуй, Тасенька!

Пишу уже из дома. С армейской жизнью все покончено, и уже вошел в новую колею. Вот уже с неделю я почти не бываю дома: посещения друзей, театры, музеи и пр. Голова закружилась. Хорошее время, что и говорить. Начинаю остепеняться и больше бывать дома. Думаю вскоре браться за дело, т. е. готовиться, стучаться в университетские двери. Не знаю, что ждет впереди, но, авось, и повезет.

Вчера был на вечере ленинградских писателей в Филармонии. Впечатление огромное. Выступали: Дудин, Ю. Герман, Форш, О. Берггольц, Лифшиц, Гитович, Каверин, Вихарев. Особенно понравились поэты: Дудин, Берггольц, Лифшиц. Ты, наверно, завидуешь мне сейчас, но это только пока. Я же тебе больше завидую во всем. Вот и все пока о себе. Новая жизнь заставляет серьезно призадуматься, много передумать заново, а старое, армейское, отбросить.

Да я уже все отбросил и уже привык к новой обстановке. Знаю, что скоро придется много заниматься. Ведь я все же забыл. Постараюсь поступить на подготовительные курсы. Посоветуй, на что обратить основное внимание, какой запастись литературой для подготовки на литфак, если знаешь.

Пишу, а сам не уверен, получишь ли ты мое письмо. Ведь уже много прошло времени с тех пор, как я отчалил из Артура.

Проезжая вечером Спирово, выходил на вокзал в надежде встретить кого-нибудь из старых знакомых или узнать кое-что о них, но никого не встретил, все чужие и ничего не узнал, все чужое. Правда, встретил брата Райкова А., но он сам только что приехал в отпуск и ничего ни о ком не знает. Сначала мы не узнали друг друга, и только когда разговорились, я вспомнил его брата, а потом и его. Как же все изменилось! Я даже не узнал своего дома, летнего сада и вашей горки — все жалкое, бедное. Нет, в доброе старое время эти места были иными; они были близкими, родными, а теперь чужие.

Пиши, как живешь и вообще...

Желаю здоровья и всего лучшего.

Если будешь в Ленинграде, заходи. Буду очень рад.

Лешка

51

22 августа 47

Здравствуй, Тася!

Спасибо за память! С первых строк сообщаю, что я жив и здоров. Письму твоему, как всегда, рад, но почему оно такое краткое? Или «это присказка покуда, сказка будет впереди»? Если так, то она за тобой.

Приятно знать, что и у меня есть старые друзья, которые вспоминали обо мне и которым даже жизнь моя интересна. Я и им благодарен за память! В смысле интереса моя жизнь не так уж интересна, хотя теперь она намного интересней прежней. Не стану вдаваться в подробности ее, но все же кое-что расскажу, хотя бы вкратце. Демобилизовался я из Порт-Артура и в январе с. г. явился домой, конечно, желанным и долгожданным. Немного отдохнув и рассеявшись от армейского бытия, начал готовиться к поступлению в институт. Конечно, приходилось много заниматься, а главное, приучаться к усидчивости, которой я и раньше-то не отличался! Но теперь все позади. Недавно я вполне успешно сдал экзамены на литфак ин-та им. Герцена. Колебаний, раздумий, сомнений за все время подготовки было много. Выбор стоял только между университетом и Герценкой, и все же в конце концов решил поступать в Герценку, хотя к университету было куда большее стремление. Признаюсь, что храм науки испугал меня строгостью предстоящих экзаменов, а также громадным наплывом абитуриентов. Мне не захотелось, в случае неудачи там, терять год, который мог бы повлиять на всю мою жизнь. Итак, я решил идти по линии наименьшего сопротивления, а значит — бить наверняка. И не жалею, что так сделал, потому что в

Герценку никого, провалившихся из других институтов, не взяли ввиду конкурса.

Я тебе уже как-то писал, что педагогическая специальность меня ничуть не интересует и только стремления к знаниям литературы заставили меня сделать этот шаг. Да, пожалуй, в Ленинграде лучшего ничего и не придумать. В Москве при ССП есть Литинститут, но ведь это в Москве. Настоящее мое место, конечно, там. В голове созревает план поступления и туда на заочное обучение, который в недалеком будущем должен разрешиться.

Только не много ли будет сразу в двух, справлюсь ли? Скажу по секрету, что поступать туда мне посоветовал А. Твардовский (в письме), которому я кое-что посылал из своего.¹ Если в Литинститут поступить в этом году не удастся, то это останется программой будущего. Там люди зрелые и поэтически, и прозаически, а я в себе этой зрелости еще не чувствую. Ведь я же за последний год почти не работал, да и до сих пор не могу войти в старую колею, а длительные перерывы в работе отзываются довольно-таки губительно. С молодой ленинградской «богемой» сблизился, часто бываю на литературных встречах, но в печать не лезу, во-первых, потому что сейчас мне нечем блеснуть, а во-вторых, потому что у нас вообще сейчас трудно с печатью. За нее грызутся люди с громкими именами. Что делать, когда одной «Звезде» трудно разворачиваться. До сих пор еще чувствуется на всех какая-то придавленность от недавнего позорного пятна. Ленинград его смоем, уже смывает, но смывать нелегко.² Пожалуй, хватит об этом. Знаю, что скучно и неинтересно, может быть, а особенно для девушки. Но что же делать, раз я всегда так пишу, а переучиваться поздно, да и стоит ли?

Почему ты в письме о себе ни слова? Что ты и как ты, не имею ни малейшего представления и только по тону письма догадываюсь, что все слава богу. Как провела лето? Была ли в Ленинграде?

Если была, то почему не зашла ко мне? У меня лето прошло незаметно, напряженно. Раза три ездил купаться в Озерки, а после экзаменов частенько бываю в театрах, в кино, в ЦПКиО на островах. Я даже превратился в болельщика за наше «Динамо». А все же оно московскому проиграло! Жаль!!

Моим старым друзьям, помнящим меня, передай мой низкий поклон. У меня о них остались хорошие воспоминания. Много времени прошло с тех пор, а они все так же свежи. Много у меня друзей-товарищей было, но почему-то «все они прошли, как тени»,³ все забылись, да и меня забыли. С ними меня сводила вынужденная обстановка, среда, а когда она изменилась, друзья расстались, превратились в просто знакомых, и каждый пошел своей дорогой. Впрочем, есть у меня два хороших друга, да и те: один во Пскове, другой в Кирове — оба они, конечно, литераторы, в лучшем случае — ценители литературы. Наверно, и с тобой было что-нибудь подобное в отношении армейских друзей и подруг. Ведь недаром говорится, что старый друг лучше новых двух. Они-то у меня и были только в Спирове. Напиши мне о них поподробней о каждом и о каждой. Никого из них я не представляю сегодня, но старые фотографии говорят о многом. Если захотят узнать мой адрес, конечно, дай им, стоит ли об этом спрашивать тебе.

Сообщи также, что знаешь, что можешь о моей первой любви, чистой, светлой, до сих пор не забытой.

Новых друзей не ищу, в друзья ни к кому не лезу. Да их и не сразу найдешь, особенно в большом городе. К тем, с кем придется учиться, уже пригляделся: из них добрых три четверти почти дети, вчерашние школьники. Ты меня понимаешь, конечно. Женская половина тоже ничего хорошего не предвещает. Вперед не зарекаюсь, а пока — бррр! Прости за слишком откровенную болтовню! Закругляюсь.

Желаю тебе здоровья, всего лучшего во всем! Пиши.

Т. Алексеев

¹ Письмо А. Т. Твардовского хранится в домашнем архиве А. Д. Алексеева.

² Имеется в виду постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» от 14 авг. 1946 г. и доклад А. А. Жданова на собрании партийной и литературной общест-венности Ленинграда («Доклад т. Жданова о журналах „Звезда“ и „Ленинград“: сокращенная и обобщенная стенограмма докладов т. Жданова на собрании партийного актива и на собраниях писателей в Ленинграде» (М., 1946)). Постановление осудило позицию журналов, публикующих «безыдейные, идеологически вредные произведения» (в том числе А. А. Ахматовой и М. М. Зощенко).

³ Цитата из стихотворения С. Есенина «Ты меня не любишь, не жалеешь...» (1925 г.): «Знаю я — они прошли, как тени».

Здравствуй, Тасенька!

Очень рад, что наконец-то вспомнила обо мне. Большое спасибо!

Много прошло времени с тех пор, как я получил от тебя последнее письмо. Кажется, это было еще в Корее. А теперь все по-иному, и перемен произошло очень много. Всего описать, конечно, невозможно, но самое основное — попробую.

Вот, Тасенька, 4 года моего студенчества пролетели, как сон, и я, как говорится, вышел в люди с дипломом, в котором начертано, что предьявителью сего присвоена квалификация преподавателя рус. яз. и литературы в средней школе... Одним словом — учитель словесности, новоиспеченный.

Ну что ж! Я в этом не вижу ничего предосудительного. Литература, как тебе известно, всегда была для меня священной областью, и прежде всего русская литература XIX в. Я даже и сам когда-то по дурацости мечтал стать поэтом, но это до того глупо, что при воспоминании об этом я готов провалиться сквозь землю. Поэт из меня не получился, а потому и вспоминать об этом нечего. Есть поприще более интересное, увлекательное. Это — изучение литературы. Серьезное, научное изучение. Именно этому, а не школе, я и хотел бы посвятить свое будущее. Только ты, педагог (если я не ошибаюсь), можешь понять меня, что для этой цели рамки обыкновенного школьного учителя все же узки. Нет слов, воспитание молодого поколения — благородное и даже великое дело, но дело это не по мне, ибо, признаюсь, что почти совсем не имею к нему влечения. Я прекрасно давал уроки на практике в школах, но все это как-то без любви, без огонька.

А вывод таков: вышел из института педагог без педагогич. наклонностей. Исправить эту «ошибку» есть возможность, но превратить ее в действительность мало шансов. Дело в том, что я решил идти в аспирантуру по кафедре рус. литературы XIX в. Кафедра выдвинула меня кандидатом, и теперь остается только весьма благополучно сдать вступительные экзамены. Но самое ужасное — конкурс 10 человек на место, а всего мест — 3. Так что уверенности в осуществлении своей мечты пока нет. Но буду дерзать...

Так обстоит дело с перспективами на будущее. Можно было бы написать по этому поводу еще столько же, но для начала достаточно и этого. Если же не попаду в аспирантуру, то буду стараться устроиться работать в архив или в Публичку в рукописный отдел, а если же и это не удастся, то что ж, — пойду учительствовать. В Ленинграде место найду где-нибудь. Хорошо, что я под распределение не попал!

Теперь буквально несколько слов о семейной и личной жизни. 17 мая сего года умер папа (инфаркт сердца). Горе большое, и особенно для матери. Мама больна гипертонией. После папиной смерти у нее было давление 255, но сейчас выглядит лучше и ходит помаленьку.

Теперь еще о себе. Вот уже больше года, как я женился. 30 июня родился у меня сын, которого нарекли Дмитрием в память о бабушке. Как видишь, теперь есть мне чем заняться. Но лето нынче отвратительнейшее. Болею за «Зенит» беззаветно, но пока безуспешно. Могут лучше, черти, играть.

Будешь в Ленинграде — зайди ко мне. (Мой точный адрес: Боткинская, д. 1, кв. 70.) Посмотришь наш Невский без трамваев, стадион им. Кирова и много, много чего другого, чего я и сам еще не удосужился посмотреть. Напиши о себе, буду очень рад.

Привет от мамы.

Почему у тебя фамилия старая — Жарова?! Как живет твоя мамаша и сестра?

Толя

¹ Я и сестра оставили папину фамилию, так как он печалился, что сына нет, фамилия забудется (*примеч. Т. В. Жаровой*).